

ВЛАДИСЛАВ ВЫСТАВНОЙ

A man in a dark trench coat and a fedora hat walks towards the camera on a city street at night. The street is filled with the blurred silhouettes of other pedestrians, creating a sense of a busy, crowded environment. In the background, a large, ornate building with many windows is brightly lit, standing out against the dark night sky. The overall atmosphere is mysterious and cinematic.

МАССОВКА

Владислав Валерьевич Выставной

Массовка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986658
Массовка: Авторское; 2008

Аннотация

Главный герой – Артемий Котлин, он же – Арт – специалист по аномальным явлениям, охотник за мистическими артефактами, посредник между мирами рационального и оккультного. Он получает заказ – разыскать таинственного человека, известного в оккультных кругах, как Переходящий дорогу. Этот жуткий человек обладает свойством приносить несчастье каждому, кому он пересечет путь. С помощью своего друга-следователя, Арт убеждается в его реальном существовании.

Тайный заказчик Артемия – некий Павел, влиятельный предприниматель, миллиардер. Павел был смертельно болен, когда судьба пересекла его путь в лице странного незнакомца. Переходящий дорогу предложил Павлу выгодную на первый взгляд сделку: жизнь в обмен на выполнение любых приказов Переходящего. Обреченный Павел немедленно соглашается – и происходит чудесное исцеление.

Но радоваться не стоило: капризы Переходящего дорогу способны превратить вновь обретенную жизнь в кошмар. И

всесильный «олигарх» фактически превращается в тайного раба жуткого незнакомца.

Оба героя перед выбором: подчинится Року или бросить ему вызов.

А что выбрал бы ты?

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Переходящий дорогу	9
1	9
2	29
3	62
4	75
5	91
6	107
7	134
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Владислав Выставной

Массовка

Пролог

ПРОЛОГ НА ВЫБОР:

СИМВОЛИЧЕСКИЙ

Вспышка Вспышка Вспышка...

Тьма Тьма...

Вспышка. Вспышка Вспышка...

ПОЯСНЯЮЩИЙ.

Кажется, что беснующийся стробоскоп отчаянно отбивает сигнал «SOS».

Вспышка Вспышка Вспышка...

Тьма Тьма...

Вспышка. Вспышка Вспышка...

Цепко, хищно он выхватывает из черного небытия два силуэта. Хотя, может, и появляются они в нашем мире лишь на мгновения вспышек.

Всякое лезет в голову, когда тьма подкрадывается так близко...

– Чего тебе? – с тихой ненавистью говорит Должник.

– Ничего нового, – улыбается Переходящий дорогу. – Все, как обычно: ты должен, и придется отрабатывать свой долг.

– И что же, конца этому не будет?

– Кто знает... Все одно – у Должника нет прав. Есть только долг...

Вспышка

Тьма

Длинная очередь вспышек

Должник опускает голову. Дышится тяжело: даже здесь, в саду, не хватает воздуха. Можно только злиться – и Должник, словно гаснущее пламя, раздувает в себе злость. Лишь она способна заглушить ужас, норвящий выпрыгнуть из закутков души и схватить за горло холодной лапой...

Все теряет значение, когда в душу приходит страх. Страх не терпит соседей. Он пинком выталкивает прочие чувства и с комфортом располагается в вопящем и мечущемся сознании. Страх берет в свои руки ниточки, правящие мозгом и телом – просто небрежно наматывает на руку, как кукловод нити марионетки...

Со стороны дома слышны музыка, пьяные крики, смех, женский визг. Гостям хорошо. Им здесь всегда хорошо. Просто им невдомек, отчего хозяин терпит эти сборища, почему из всех сил старается присвоить себе славу кутилы и плейбоя. Только кто знает, почему сам он давно ненавидит собственных гостей? И продолжает улыбаться, удивлять приглашенных размахом, чтобы было о чем болтать столичной тусовке.

В этом нет изоциренного мазохизма.

Просто ему страшно оставаться одному.

Жутко находиться один на один со своими мыслями – уж лучше в компании с бутылкой – конечно же, чего-нибудь дорогого и изысканного. Чья задача, впрочем, не отличается от назначения обыкновенной сивухи: отключить, хоть на время, слепой, неконтролируемый страх...

Вот только сегодня не удалось улизнуть от самого себя. Кое-кто пришел напомнить – кто ты есть в этой жизни. Не тот, кто смотрит на мир с телеэкранов и обложек журналов, а на самом деле...

Да, внешне хозяин этого роскошного особняка – самодовольный магнат, с карманами, набитыми купюрами, несущийся по встречной полосе вдоль «пробок» на завывающем «феррари». Да, все, что пишет о нем журнал «Форбс» – это правда, за исключением мелочей.

Никому невдомек, что цветущий, лопающийся от денег счастливец – не более, чем бесправный раб.

Должник.

Впрочем, одному человеку известна эта истина. И сейчас он сидит как раз напротив.

У Должника есть имя. У незваного гостя – лишь то, что стало отражением его темной сути.

Переходящий дорогу – проклятье, вошедшее в жизнь, и не желающее уходить, наверное, до самого конца.

Вспышка.

Тьма.

Тьма...

Часть первая. Переходящий дорогу

1

Горный хребет городской свалки величественно выполз из-за холма. Еще раньше небо заполнили громадные птичьи стаи: словно альбатросы в море намекали на приближение берега.

Красный «фerrари», низко пофыркивая, замер у въезда. Гравий под огромными, сверкающими дисками смотрелся почти кощунственно. Раскосая морда презрительно морщилась в полосатую трубу шлагбаума.

Павел посигналил.

Открывать не спешили.

Сторож – или кто там отвечал за охрану этой гигантской кучи дерьма – очевидно, впал в ступор. Оно и понятно: трудно представить себе, что могло привести сюда владельца такой машины.

Тем не менее, сторож не стал поднимать шлагбаум, а предпочел выбраться из своей будки и неспешно подойти к водительской двери.

Павел чувствовал себя идиотом. Втянул голову в плечи, пряча глаза за солнцезащитными очками – будто это могло помешать кому-то его узнать.

Надо отдать должное сторожу: тот тоже повел себя нестандартно: остановился рядом с опущенным стеклом, закурил, не глядя на Павла. И некоторое время смотрел куда-то в даль, пуская под нос клубы вонючего дыма.

– Погодка-то не очень, – проговорил он, наконец. – Давление меняется, того гляди, дождь пойдет...

Павел поначалу не нашелся, что сказать. Давно ему не приходилось общаться с таким контингентом.

– Мне на свалку надо, – с трудом произнес Павел. – Последние заводы...

– Всем надо, – глубокомысленно заметил сторож.

Он по-прежнему не достаивал посетителя взглядом. Павел спохватился:

– Да, конечно... Я заплачу!

– Все платят, – равнодушно сказал сторож.

Павел не знал, сколько полагается денег этому чудному человеку за въезд на помойку. В бумажнике среди кредиток – только пятитысячные купюры. Он сунул «рыжую» поверх тонированного стекла. Смешно, но в этот момент одного из богатейших людей страны, что называется, «сдавила жаба». Не столько потому, что жалко было денег, сколько из какого-то гаденького внутреннего протеста: с какой стати властелин шлагбаума должен так здорово заработать за подъем ржавой палки!

Сторож, ничуть не смутившись, лениво взял «пятитысячную», окинул Павла коротким, ничего не выражающим

взглядом. Он продолжал курить и любоваться горизонтом.

Было во всем этом нечто сюрреалистическое, какой-то комичный символизм. Ритуал, поднимающий сторожа в его собственных глазах. И визитеру следовало подыграть ему.

Павел подыграл.

Какой-нибудь деляга помельче, прикативший на подержанном джипе, наверняка прикрикнул бы на нерасторопного плебея. Но это потому, что тот, при всех своих быстро нажитых деньгах, по сути, сам оставался плебеем.

Павлу не чего было делить с этим человеком. Они были, словно бы из разных измерений. Повелитель многомиллиардных активов и повелитель шлагбаума – они равны в своей глубинной сути, как два абсолюта. В известном смысле, конечно. Теперь Павел знал это наверняка. Черт, лучше бы он навсегда остался тем самодовольным делягой на подержанном джипе. Ей-богу, лучше...

Сторож докурил и откинул окурочек в сторону. Он неплохо держал марку – даже не стал задавать вопросов. Лишь подошел вразвалочку к своей будке и отвязал веревочку, удерживающую противовес.

Полосатая труба взвилась вверх.

С каким-то обиженным взбрыкиванием «фerrари» прополз под шлагбаумом. Колесо попало в выбитую грузовиками колею, дно неприятно чиркнуло по гравию.

Машина неспешно приближалась к кучам «свежего» мусора. Гул двигателя перекрывали вопли чаек над головой.

Вонь стояла невыносимая.

Павел сразу заметил: на свалке он не один. Работающие в отдалении бульдозеры и самосвалы не в счет – на него глядели десятки настороженных человеческих глаз.

Бомжи. Коренные жители. Аборигены вонючего острова. Даже представить трудно, как они воспринимают приезд этого вызывающего, оскорбительно чистого авто. Как «летающую тарелку», набитую пришельцами? Как прихоть зажравшегося ублюдка?

Стало не по себе, едва только Павел оттолкнул дверцу и выбрался наружу. Под ногами отвратительно хлюпает – конец штучным ботинкам. Легкий ветерок треплет полы пиджака, но не приносит свежести.

Это только начало. Должнику пора отрабатывать свой долг. И что самое мерзкое во всем этом: в отличие от бизнеса, перевод долга в подобной ситуации невозможен...

Он огляделся в поисках ориентиров. Вон, вдалеке над кучами – вышка ретранслятора сотовой связи и труба заброшенной котельной. Совпав, они должны дать направление.

И откуда только его мучитель знает все это? Неужто он и впрямь может заглядывать в будущее, видеть мысли, проникать в суть вещей? Или же все происходящее – просто грандиозный трюк, из разряда тех идиотских розыгрышей, которые устраивают иногда пресыщенные придурки?

Бомжи, замерев, следили за чужаком. Павел не просто чужак. Он вроде ярко раскрашенной осы, попавшей в муравей-

ник: что-то невообразимо чуждое и опасное. И Павел чувствовал это – остро, словно затравленное животное.

Он действительно загнан в угол: нечего противопоставить неумолимой воле пославшего его. Хотелось только выть от бессилия и злобы.

Павел стоял перед огромной кучей мусора, как гладиатор в центре внимания жадных до экзотики глаз. Только, вот, в предстоящем нет ни капли патетики. Лишь унижение, отращение и проклятья в адрес того, кому он должен...

...На глазах изумленных жителей свалки пижон из красной машины вдруг с воплем бросается в кучу свежепривезенного мусора. Барахтается в нем, разбрызгивая зловонную дрянь, словно старается нырнуть поглубже. Да он просто купается в мусоре, этот сумасшедший!

На лицах бродяг недоумение сменяется испугом. Всех их судьба привела однажды сюда, в этот отвратительный Клондайк, в этот тошнотворный рог изобилия, полный всякой мерзкой всячины. Но вряд ли кто из них мог похвалиться, что испытывает по поводу мусора такой же восторг.

Сумасшедший, псих, свихнувшийся из-за денег – так, наверное, думали бомжи.

Но Павел еще не сошел с ума, хотя и был близок к этому. Ему ясен изощренный замысел Переходящего дорогу: все это – неплохой способ прочистить мозги человеку, привыкшему к ощущению своей исключительности, рафинированному эстету, адепту культа денег, презиравшему ползающих

у его ног голодранцев...

Павел рыл мусор скрюченными пальцами, между которыми стекали густые помои, не успевшие еще перебродить, сгнить и рассыпаться в прах. Под холеными ногтями собралась теперь вся мерзость мира, на язык то и дело попадало нечто совершенно неопишемого вкуса.

Один раз его вырвало, и рвотные позывы не оставляли до самого конца. Но Павел уже не обращал внимания на неподконтрольную физиологию.

Он рычал от ненависти и продолжал вгрызаться в мусор. Так надо. Он должен. Он – Должник, и этим все сказано...

...Все-таки, Переходящий дорогу знает свое дело. Он и сейчас оказался прав: искомое было на месте.

Павел не понимал до конца замысел того, кому должен. Единственное, что чувствовал – как тот пытается его унижить. словно породистого щенка ткнуть мордой в собственное дерьмо. Но если щенка хотят таким образом отучить гадить, где ни попадя, то с Павлом случай сложнее: никаких условий ему не ставилось.

Более того, Переходящий дорогу гарантировал: об унижении не узнает никто. Это дело только двоих: Должника и того, кому он должен...

Павел бросил грязный пакет пассажирское сидение, сам устало упал за руль. В зеркале заднего вида мельком заметил собственное лицо и отвел взгляд. Интересно, удастся ли из-

бавить салон от запаха? Или же эта вонь будет преследовать его всю жизнь?

Перевел взгляд на пакет. Невероятно, какая глупость... Зачем Ему понадобилось это? В пакете не золото, не разделанный на куски труп. Вообще ничего стоящего.

Там костюм. Всего лишь костюм от «Gucci» – некогда стильный светлый, лишь раз надетый на какую-то вечеринку. Правда, в нем не довелось даже выйти на улицу: Павел пролил на пиджак чашку эспрессо. Конечно, костюм можно было бы отдать в химчистку – плевое дело для современной химии. А можно было с отвращением стянуть с себя и бросить в мусорный бак.

И отправиться в комнату для одежды. Там висит не один десяток костюмов не хуже этого.

Однако Переходящий дорогу считает иначе. И теперь Павел должен носить только этот костюм – извалянный в дерьме, на фоне которого теряется злосчастное кофейное пятно...

«Феррари» возмущенно взревел и, оставляя за собой облака пыли, бросился бежать из унылого и бескрайнего царства мусора.

– Я сделал, что ты просил, – сказал Должник. – Чего тебе еще от меня нужно?

– Завтра приступишь к исполнению основного долга, – сказал Переходящий дорогу.

– И как только я исполню его, ты оставишь меня в покое? – дрогнувшим голосом спросил Должник.

– Сначала исполни, – сказал Переходящий дорогу.

– А где гарантии, что ты не придешь снова? – упрямо спросил Должник.

– Я знаю, ты привык торговаться, – сказал Переходящий дорогу. – Гарантия прежняя – жизнь. Мне ничего не стоит отпустить твою болезнь на волю. Сколько тебе обещали врачи? Полгода? А сколько ты уже живешь с того времени? Хм, да ты просто по уши в долгах...

Должник вжал голову в плечи.

Возразить нечего. Правда ли все это, или же какая-то невероятно хитрая разводка, только год назад он действительно едва волочил ноги. Лучшие врачи западных клиник только разводили руками: максимум полгода, максимум лекарств, максимум отчаяния...

Как сейчас, стоит перед глазами: он выходит из клиники, ничего не соображая, на предательски ватных ногах, чувствуя себя ненадолго воскресшим мертвецом. И тут, неспешной походкой перед ним проходит Он. Проходит и останавливается, глядя на него. Улыбается...

И вдруг, необъяснимым образом становится легче...

Подробностей того вялого, полубезумного разговора, Должник не помнит.

Только лишь то, как в сознании вспыхивает безумная мысль – это он, тот, что перешел дорогу, он несет облегче-

ние, избавление от страданий! И бледный, полубезумный человек бросается вслед за незнакомцем, хватая того за плечо и бормочет бредовые слова...

Незнакомец делает недоуменный вид. Но Павел умоляет, даже падает на колени. И незнакомец говорит: «Что ж, ты сам просишь меня...»

И в ответ лихорадочное: «Да, да, согласен на все, что угодно, на любые условия...»

А на утро он просыпается совершенно здоровым, полным сил и забытой легкости. С трудом вспоминая день накануне, бросается в клинику – и не слышит от врачей ничего нового.

Все тот же страшный диагноз.

Только он, черт возьми, чувствует себя совершенно здоровым! На это врачи лишь пожимают плечами: субъективные ощущения не противопоставишь результатам анализов и снимкам...

А потом снова появляется тот, что перешел дорогу. И предлагает свое объяснение.

Бывший больной отныне является Должником – согласно тому авансу, который только что получил. Жизнь имеет бесконечную ценность, а, следовательно, долг не ограничен никакими рамками.

Этот долг не будет распространяться ни на имущество, ни на род Должника или иных людей. Должник обязан жизнью и обязан только лично...

Тогда он не поверил. И на следующий день вспомнил свою

болезнь, вновь почувствовал дыхание смерти и снова очутился в руках врачей – тех жутких врачей, которые не обещают исцеления, напротив – гарантируют скорую и неминуемую смерть.

Этого доказательства хватило, чтобы понять: он действительно стал Должником...

И в жизнь вошел кошмар.

Желания у Переходящего дорогу не отличались особой изощренностью.

Скажем, требуется отправиться в бар, где собираются хмурые мотоциклисты, и дать по морде главарю банды. Понятно, чем может кончиться такое вечернее приключение.

Или же украсть на улице женскую сумочку. Как полагается – с криками, погоней и диким приливом адреналина.

Или ворваться голым в женскую баню.

Мерзавец, видимо, так развлекался. Он никогда не переходил грань, которая заставила бы Павла просто наплевать на договоренность. Он издевался над Должником, удерживая его на грани, играл с нервами. И давал необходимые перерывы – чтобы избежать окончательного срыва.

Наверное, есть в этом нечто изощренное: обладать рабом-миллиардером. Кое-кто отдал бы многое, чтобы узнать о скрытой жизни столь известной личности.

Но Переходящий дорогу умел хранить тайны.

Павел стоял на троллейбусной остановке – в плохо вы-

чищенном костюме с кофейным пятном на боку. «Феррари» остался в обширном гараже, разделив его с не менее солидными автомобильными марками. Сюда следовало явиться налегке.

– Здравствуйте, вы – Павел?

Павел вздрогнул: сейчас его узнают.

Но бойкому чернявому парню и в голову не пришло соотнести Павла с известным лицом с новостных программ. Он непринужденно пожал Павлу руку и поманил за собой – к большому туристическому автобусу, возле которого толпились пестро одетые люди.

– Я Борис, – представился парень. – Массовкой занимаюсь я. Если возникнут вопросы – сразу ко мне. С киношниками тоже общаться лучше через меня... В общем, все уже собрались, ждали только вас и одну девушку... А, вот и она! Так, внимание всем! Заходим в автобус...

Через некоторое время Павел освоился в забыто-демократичной обстановке салона. Здесь смешались возрасты и стили одежды, все были возбуждены и ужасно шумны.

Не удивительно: для многих участие в массовой самого настоящего кино было событием, чуть ли не всей жизни. Павел даже с некоторой жалостью подумал о том, как скучна на события должна быть жизнь этих людей.

Или же в нем говорит пресыщенность впечатлениями?

Из всех заданий того, кому он должен, это выглядело самым нелепым. Он просто должен был сняться в массовой

какого-то второсортного боевика. Конечно, в происходящем чувствовался подвох, но пока не было понятно, в чем именно.

Поначалу было опасение: его узнают, замучают косыми взглядами и дурацкими вопросами. Теперь казалось, что самое неприятное, наверное, будет после, когда его лицо мелькнет в каком-нибудь непристойном кадре...

Но это все домыслы. Все-таки, лучше ехать в шумном автобусе в киношный Диснейленд, чем копаться в океане помоев...

При воспоминании о свалке, к горлу подкатил отвратительный ком, и Павел спешно уставился в окно. Там проплывала жизнь – самая обыкновенная, в которой не было места отвратительным тайнам и постыдным обязательствам.

Запищал мобильник. Павел глянул на дисплей и шепотом выругался: звонил коммерческий директор одного из холдингов. Это несмотря на приказ забыть сегодня про босса. Надо полагать, что-то действительно важное...

– Ого, – сказал рядом высокий голосок. – Какой у вас классный мобильник! Я такой только в журналах видела. Он ведь еще в продажу не поступил, да?

Павел скосился влево. Он даже не заметил, как к нему подседа молоденькая девушка – пестро, даже вызывающе одетая, с веселыми глазами и пухлыми губками. Она с хитрецей и без излишней скромности поглядывала то на телефон в руках Павла, то на его мятый костюм.

Павел не стал отвечать на звонок, просто сунул телефон в карман. В голове метались тревожные мысли. То и дело всплывала недоуменная фраза: «Что я здесь делаю?»

– А вас тоже Борис на съемки пригласил? – непосредственно поинтересовалась девушка. – Меня Настя зовут. А Вас?

– Паша, – буркнул Павел и отвернулся.

В другой раз он, может, и почесал бы языком с такой вот юной особой. Но вдруг ощутил себя каким-то беспомощным – в грязноватом костюме, вне защитного кокона «феррари», который давно стал стержнем в общении со слабым полом.

Настю его переживания не смутили. Она продолжала болтать, словно Павел был первым в ее жизни благодарным слушателем.

– А мне как Боречка сказал, что массовка для кино набирается, так я сразу согласилась. Вот не поверите – всегда мечтала в кино сниматься! Да ладно, там, массовка. А вдруг заметят? Пригласят куда-нибудь? Вдруг? Всякое в жизни бывает! Ведь если не использовать все шансы, то и не получится никогда, правда?

– Правда, – бесцветным голосом сказал Павел и снова посмотрел на девушку.

Девушка была очень даже милая, но сейчас начала здорово раздражать. Сейчас все доставало – и этот автобус, и царящее в нем веселье. Какое, к черту веселье?! Как можно чему-то радоваться, когда мир вокруг летит кувырком, где-то

надрываются телефоны, скрипят факсы, воют и давятся уни-чтожители бумаг, а по длинным коридорам в панике носятся клерки, не понимающие, что происходит и что нужно делать в отсутствие того, кто способен принять решение, взять на себя ответственность за ход событий!..

Все это осталось в стороне, небрежно отодвинутое тем, кому он должен. Единственное, что не давало сорваться – это весомая гарантия в руках Переходящего дорогу.

Его жизнь.

– А про что, вообще, фильм, кто знает? – бодро крикнул какой-то розовощекий толстяк.

– Я знаю только примерно, – отозвался Борис с места, на котором обычно сидят экскурсоводы. – Фильм про войну, а массовка – это, вроде бы, узники концлагеря...

Грянул дружный хохот.

Павел искоса посмотрел на людей: он не понял, что вызвало смех. Слова про концлагерь ему не понравились. Что-то в них перекликалось с недавней свалкой, с осунувшимися лицами бомжей, с вонью и безысходностью.

– Какой же я узник? – похлопал себя по животу толстяк. – Скорее – полицаи...

– Полицаи тоже нужны, – рассмеялся Борис. – Возможно, еще будут автобусы с массовой. Фильм серьезный, большой – так мне сказали...

Пассажиры принялись бурно обсуждать предстоящую

эпопею. Павел, то и дело, нервно хватался за телефон. Что бы ни происходило в чертовом холдинге, он твердо знал: если взять трубку, будет только хуже. Чего доброго, он не выдержит, плюнет на долг и бросится в офис.

А ведь очень не хотелось нового напоминания о долге...

Автобус свернул с трассы на второстепенную дорогу, чуть позже затрясся и закачался, как лодка на волнах: началась грунтовка. Но вскоре пшикнул тормозами и замер.

– Приехали! – крикнул Борис.

Массовка потянулась к раскрывшимся дверям.

Место было вполне живописным: сочная травка, опушка леса, неспешная речка у холма. Под деревьями немедленно обосновалась массовка. Павлу было плевать на красоты. Он смотрел в другую сторону, туда, где декораторы доводили до ума антураж предстоящих съемок.

Длинные серые бараки, ряды колючей проволоки. Деревянные вышки с прожекторами. Непринужденно болтающие и смеющиеся люди в немецкой форме времен Второй Мировой. Отрывистый лай овчарок.

Жуткий, загнанный в угол зверь страха тоскливо завыл где-то в груди. Не нравилось ему предстоящее, совсем не нравилось...

Неподалеку Борис о чем-то спорил с мужиком экзотической внешности: в цветастой рубашке, драных джинсах, со светлой гривой и пышными усами – ни дать, ни взять, воль-

ный стрелок из старого вестерна. Только вместо традиционного кольта держал он в руке вполне реальный мегафон.

Кто-то пояснил: это то ли второй режиссер, то ли режиссер площадки. В общем, тот, кто и будет во время съемок повелителем массовки.

Павел осторожно присел рядом с разомлевшими пассажирами автобуса.

– Здорово, правда? – сказал знакомый голос. – Я не думала, что они здесь все сделают по-настоящему. Очень похоже...

Павел не спеша повернул голову: это Настя, его попутчица.

– Говорят, бараки под конец сожгут, – радостно сообщила Настя. – Будто бы там и мы сгорим. Хи! О, а вон, наверное, крематорий! Жуть...

Павел посмотрел туда, куда указывала Настя. Вначале он не обратил внимание на это здание с трубой. Теперь, когда стало ясно, что это такое, снова накатили волны необъяснимого страха.

Чего, ну чего хочет его мучитель?! Поделиться с ним деньгами? Пожертвовать часть своих миллиардов на строительство детдомов или самой большой церкви?! Может, он сам хочет стать миллиардером?!

Так ведь Павел предлагал, предлагал, и не раз!

Но Переходящему дорогу не нужны деньги. Что ему нужно, так и оставалось вопросом...

– Смотрите, съемочная группа едет! – воскликнула Настя.

Со стороны шоссе на грунтовку сворачивала колонна из нескольких машин – огромного автобуса без окон и трех фургонов. Завидев их, усатый заметался перед декорациями, разгоняя праздничношатающихся статистов, освобождая место для новых машин.

Процесс разгрузки аппаратуры был отлажен. Киношники, как муравьи бегали, суетились, орали друг на друга, и на вытоптанной траве возникли рельсы, на рельсах – тележка с камерой, а в сторонке – маленький полотняный шатер, в который тащили аппаратуру и тянули ворохи кабелей.

Лежа на травке, подложив под голову сумку, Павел закрыл глаза. И отключился. Сон был поверхностный, тревожный, наполненный мутным мельтешением картинок и невнятные намеками. Кто-то за ним гнался, пытался схватить... Павел вскрикнул и проснулся.

– Э, вы чего? – смущенно улыбнулась Настя.

Похоже, она только что трясла его. Павел понял, что вцепился в тонкое запястье девушки. Медленно разжал пальцы.

– Извините, – сказала Настя, потирая руку. – Но нам через пять минут надо быть на площадке. Вот, ваша одежда...

Павел с недоумением смотрел на аккуратно сложенное одеяние из грубой ткани с блеклыми черно-белыми полосами. Сама Настя уже была в таких полосатых штанах и теперь теребила в руках что-то бесформенное с рукавами

– Это что же – надевать? – тупо спросил Павел, глядя, как ловко, ничуть его не стесняясь, Настя сдергивает с себя маечку и, оставшись в легкомысленном лифчике, надевает полосатую робу.

– Ну, как, – кокетливо спросила Настя, – мне идет?

Павел не ответил. Его странным образом поразили этот наивный вопрос. С тем же успехом эта девчушка могла задать ему, содрав со своего лица кожу.

– Сказали, что сейчас будут снимать общий план – проход по лагерю. То есть нас снимут издалека. Ну, на то мы и массовка, чтобы издалека...

Последние слова она произнесла обиженным тоном, словно изначально рассчитывала на главную роль в этом фильме.

– Так, внимание! – заголосил мегафон. – Актеры массовых сцен! Пожалуйста, переодевайтесь быстрее! Время идет – вас уже ждут на площадке!

Павел переоделся, нервно поглядывая по сторонам, будто опасался насмешки. Внезапно, помимо прочих отвратительных чувств, не оставлявших его с утра, он ощутил невероятное унижение и отчаяние. Словно находился не на съемках, а перед реальным лагерем смерти.

Эта мысль прочно засела в его голове и уже не оставляла.

Снова появились актеры – в новенькой эсесовской форме, с очень натуральными автоматами, некоторые с собаками.

И их погнало.

Именно их погнало – в кирпичные ворота, над которы-

ми виднелась какая-то надпись. Павел, задрав голову успел прочитать ее. Написано было на немецком, который Павел немного знал:

JEDEM DAS SEINE

«Каждому – свое».

Массовка всю веселилась, и Павлу было непонятно – то ли эти люди действительно неплохо проводят свое свободное время, то ли таким вот громкими смехом и пустыми разговорами пытаются заглушить свои собственные страхи и неловкость...

Там, в свободном мире, отделенном от площадки словом «колючки», двигалась по рельсам камера, перед которой время от времени появлялась девушка с «хлопушкой». Главного режиссера никто пока не видел – он сидел в своем затененном шатре с аппаратурой.

Второго же режиссера было даже сверх меры: он суетился, хватался то за рацию в нагрудном кармане, то за мегафон, оглашая воздух криками: «Начали! Стоп! Куда ты пошел?! А ты куда? Как я сказал? Все на исходную! А? Что?! Ты что здесь стал – иди вместе со всеми! Куда?! В другую сторону иди! Приготовились... Начали!»

Небольшая толпа «узников» под конвоем бродила взад-вперед перед бараками, а киношники то и дело переключали рельсы, перестраивали свет – и все начиналось снова.

Это безумие продолжалось до вечера. После чего появился Борис и собрал массовку у автобуса. Какая-то женщина

выдала каждому под роспись по пятьсот рублей, причитающихся за съемочный день. Кому-то досталось чуть больше – и счастливицы просто лучились радостью. Павел долго стоял над ведомостью, не зная, стоит ли оставлять здесь свой автограф, но на него нетерпеливо прикрикнули, и он расписался.

Теперь он недоуменно рассматривал пятисотрублевую купюру, прикидывая, сколько миллионов за сегодняшний день мог заработать или, напротив, потерять злосчастный холдинг...

– Все в автобус! – скомандовал Борис. – Завтра собираемся там же в то же самое время.

Павел посмотрел на Бориса долгим взглядом, в котором мелькнули острые огоньки безумия.

2

Когда мчишься, сломя голову, прямо на стеклянные раздвижные двери, сильно рискуешь. Во-первых, автоматика может просто не успеть среагировать. Во-вторых, автоматика может быть просто сломанной. В-третьих, с этими стеклянными дверями никогда не знаешь: расплущишься о них, как о бетонную стену, или тебя просто покромсает осколками, как в большой мясорубке.

Артемий не успел мысленно развить эту тему, тем более, что двери нервно дернулись, раздвигаясь, как в заторможенной съемке. Вот кто не страдал отсутствием реакции, так это охранник, дежуривший на входе. Он выскочил из-за своей стойки, преграждая путь и хватаясь за кобуру на поясе.

– Стой! – заорал он, заметив, что следом за Артемием несутся двое вполне крепких бугаев в черных костюмах.

– Экспресс-почта! – бодро крикнул Артемий. Похлопал по сумке, и боком нырнул в неуверенно расходящиеся створки дверей – прямо под густой холодной ливень.

С таким недружественным приемом приходилось сталкиваться и раньше, но сегодня, что-то, не повезло особенно. Стоило заглянуть в приемную, как секретарша наградила подозрительным взглядом, а рука ее потянулась к внутреннему телефону. И только Артемий, собрав все природное обаяние, произнес: «Здравствуйте, я хотел бы побеседовать с

вашим руководителем...», как секретаршу будто кипятком ошпарили. Она схватила трубку и завопила:

– Охрана! Опять эти чертовы торговцы! Кто пропустил?!

Да, Артемий и впрямь проник в здание не совсем легальным образом. Просто не всегда хождение через охраняемый вход разумно. Он предпочитал максимально эффективные методы работы и грамотный подход к клиентам. Чем и пользовался более или менее успешно.

Но, как известно, и на старуху бывает проруха. Надо полагать, незадолго до Артемия в приемной успели уже побывать конкуренты. Возможно, какие-нибудь исчадия сетевого маркетинга с тоскливыми взглядами и назойливым нытьем, повествующим о нелегкой доле представителей международных компаний. Странно, что такие все еще встречаются. Меняют форму, окраску, мутируют, как дрожифилы, но продолжают плодиться и досаждают мирным жителям.

Артемия часто принимали за подобного рода коммивояжера. И в чем-то даже правы. Только вот реальность была несколько иной, и она быстро прояснялась – Артемию требовалось некоторое время, чтобы высказаться. Если за эти несколько секунд его не изгоняли, не покрывали крепкими словечками, то Артемий мог рассчитывать на свою порцию внимания. Потому что, в отличие от прочих современных коробейников, не слонялся неприкаянно, словно назойливое привидение, а целенаправленно выбирал жертву.

Вот и в этом банке, согласно имеющимся у него данным,

он мог рассчитывать на определенный интерес к своему товару, что сейчас бил по мокрой от дождя спине в такт прыжкам через лужи.

– Эй, ты! – зычно крикнули в спину. – Я тебя запомнил! Только попробуй еще раз здесь появиться! Придурок...

– Я тоже вас запомнил! – Артемий издали погрозил пальцем преследователям. – Слышь, ты, лысый! У меня теща – настоящая ведьма, я ее порошу – ты еще и кривым станешь! А ты, волосатый, станешь у меня лысым, понял?

– Чего?! Чего ты сказал? А ну, стой!

Один из здоровяков бросился было под дождь, но Артемий ловко нырнул за угол и пошел прочь, насвистывая под нос что-то модное. Только те, кто не разбирается в суевериях, думают, что свист отгоняет деньги. На самом деле свист притягивает удачу. Надо только знать, что свистеть.

Оставалось еще одно место, куда можно податься с тем товаром, что сейчас в наличии. Хотя это крайний вариант: уж больно сложный клиент, не известно, выиграешь с ним или проиграешь.

Но вариантов нет.

Мокрые пальцы с трудом набрали номер...

...В кривом переулке ждал огромный приземистый «Мерседес». Хорошая машина, заметная. И совершенно нелепая для тайной встречи. Впрочем, в мегаполисе полным-полно таких «Мерседесов», так что некоторая логика незаметности

все же присутствует.

Крепыш в черном костюме под зонтиком открыл заднюю дверь. Артемий с недоверием посмотрел на телохранителя: штампуют их таких, что ли? И без лишних стеснений, обтекая ручейками дождевой воды, полез на стерильное кожаное сиденье.

Там, в полумраке, созданном глухой тонировкой стекла, сидит клиент – грузный человек, лица которого совершенно не видно.

У Артемия засосало под ложечкой от непреодолимого желания ткнуть этого человека кулаком в физиономию. Хотя бы потому, что тот такой сухой и спокойный. Желание было совершенно иррациональным и сильным, а потому Артемий поспешил улыбнуться.

– Здравствуйте! – Артемий. – Отлично выглядите! Я же говорил вам: фитнес в сочетании с духовными практиками творят чудеса. Кстати, могу порекомендовать новый комплекс просветления сознания. Вернее, комплекс, конечно же, древний, но только недавно его снова опробовали. Повышение работоспособности на треть – представляете? А у вас, смотрю, новая машина? Надо же, только вчера по телевизору такую видел, сказали, мол, их только в серию пустили, в ограниченную...

Руки Артемий не подал. Хозяева этих машин не здороваются за руку с такими, как он. Артемий иногда чувствовал себя выходцем из низшей касты, неприкасаемым, дотро-

нуться до которого – все равно, что ткнуть пальцем к навозную кучу. Хотя прекрасно знал, из какого материала состоят сами эти «небожители»...

Артемий внезапно прекратил поток легкомысленных любезностей. Тут главное, чтобы без перебора.

– Ну, – неспешно сказал клиент. – Чего у тебя там нового?

Артемий широко улыбнулся, убрал со лба мокрую челку, побарабанил пальцами по сумке.

– Все новое – это хорошо забытое старое! – с расстановкой сказал он, высвобождая длинный пенопластовый контейнер. – То есть, старинное, я хотел сказать...

Осторожно снял крышку.

Вот он, его товар – удивительные свидетельства вторжения тайны в серую и тоскливую повседневность. Предметы, обладающие необъяснимой силой, окутанные легендами и слухами. Все уложено в пенопластовые лунки – словно дуэльные пистолеты в футляр.

Клиент медленно подался вперед. Артемий не решился попросить включить освещение салона, и подсветил товар маленьким фонариком-брелком.

– Вот, – с трепетом произнес Артемий, – Чаша Бытия.

– Та самая? – недоверчиво спросил клиент.

– Конечно, – ответил Артемий. – Но видите – всего лишь половинка. Будь она целая – глоток воды из нее продлевал бы жизнь и избавлял от болезней...

– А так что с ней делать? – недоуменно произнес клиент.

– Ну... – замялся Артемий. – Это очень важное свидетельство: выходит, их действительно делали в древней Персии. Я мог бы организовать поиски: у меня кое-какие связи в Иране, знающие люди, проводники... Всего этих Чаш должно быть не меньше трех...

– И от меня требуются деньги, – закончил за Артемия клиент. – Так?

– Да, – честно сказал Артемий. – У меня с собой и смета есть...

– Дальше! – сказал клиент. – Вот это что такое?

– О! – восхищенно произнес Артемий, беря в руки увитый потемневшими серебряными нитями кусок горного хрустала. – Это же Глаз Озарения! Он помогает своему обладателю получать верные ответы на любые вопросы, особенно в критические и спорные моменты. Неплохое подспорье в бизнесе и политике, верно?

– «Помогает» или «помогал бы»? – нахмурился клиент.

– Видите – трещина, – виновато сказал Артемий. – Он может давать искаженную картину...

– Насколько искаженную? – с сомнением спросил клиент.

– Ну... – замялся Артемий. – Пятьдесят на пятьдесят – точно.

Сунул кристалл обратно в ячейку и взял из соседней новый предмет – тонкий, блеснувший металлом.

– А это – жуткая штука! Игла Мертвых. Воткнуть эту иглу в хорошо сохранившегося покойника – и он встанет, пойдет,

куда скажут... Ну, и делает все, что от него потребуют. А может, и расскажет, из-за чего, к примеру, попал под снайперскую пулю.

– Но и это, конечно, тоже не действует, – зевнув, предположил клиент.

– Кончик обломан, – обреченно сказал Артемий. – Но я найду действующую. Только нужно финансирование. Вы же знаете: многие тайные входы открываются перед деньгами...

– Снова деньги... – задумчиво произнес хозяин машины. – Иногда я начинаю подозревать, что ты просто водишь меня за нос. Ты просто наглый мошенник с такими вот светлыми и честными глазами...

Артемий похолодел: подобные слова из уст этого человека были равносильны угрозе. Тем более, он, и впрямь, не без грешка.

Ведь то, что лежит в контейнере, по правде говоря, не более, чем фикция. Муляжи. И если это не самый, что ни на есть, наглый обман, то, во всяком случае, не совсем правда.

Артемий вот уже столько лет торгует воздухом.

Дела его обстоят странно, противоречиво и запутанно. Смешно: он даже не мошенник в прямом смысле слова.

Но, все же, изрядный авантюрист.

Товар, который предлагается покупателям, находится не столько в пенопластовом футляре, сколько в воображении Артемия.

Ведь он не проходимец. Он знает, чем торгует, и его мо-

гут порекомендовать довольно известные, влиятельные люди. Правда, эти известность и влиятельность несколько сомнительны. Много ли кому помогали в жизни рекомендации известных прорицателей, колдунов и гадалок? С другой стороны – хоть и потешаются над ними все, кому не лень, но после трусливо, тайно бегают к ним же, чтобы испросить милости у судьбы, выцарапать себе ускользящее здоровье, молодость, потерянную любовь, удачу.

Артемий сам знал цену этой славе, и еще лучше знал, кто есть кто в странном, душном и склочном мире оккультизма. А потому руками и ногами отрешивался от своей принадлежности к этой разношерстной братии, большую часть которых по праву считались шарлатанами.

Однако, как ни странно, он нужен этим людям, а те, в свою очередь, нужны ему. Если ты возвращаешься в этой сфере, то непростительно пренебрегать любыми возможностями поймать те крохи информации, которые встречаются, все-таки, в неиссякаемом потоке лжи.

Артемий сам не мог объяснить, почему так много людей ведется на обман? Почему ему удастся, хоть и не слишком часто, впаривать доверчивому покупателю подобную мишуру?

Может быть, потому, что сам верит во все это – безоглядно, бескомпромиссно, заражая своей верой других?

А может, потому, что не все в его странной жизни – фальшивка.

– Что вы... – пробормотал Артемий. – Как вы могли подумать?..

– А что мне остается? – клиент развел руками. – Ты крадешь мое время, кормишь меня байками...

– Но ведь я же помог... – отчаянно пробормотал Артемий, но его оборвали.

– Да... Ты достал Камень Отчаяния, и моя дочь излечилась от рака на последней стадии. Даже врачи признали это чудом. Это так. И только поэтому я все еще с тобой разговариваю.

– Спасибо...

– И не только поэтому. Надеюсь, ты помнишь о своем основном деле? Меня просили напомнить...

Настроение резко испортилось. Это чертово поручение путало все планы. Но исходило от таких людей, что даже знакомый небожитель говорил о них с плохо скрываемым придыханием.

– Ты ведь хочешь сохранить репутацию, да еще заработать на безбедную жизнь? – клиент похлопал Артемия по мокрому плечу. – Ладно, будем считать, что я сам тебя вызвал, чтобы напомнить. И в следующий раз приноси что-нибудь настоящее, а не липовые диковины...

...Некоторое время Артемий смотрел вслед удаляющейся машине, чувствуя себя оплеванным, хотя по лицу текла чистая дождевая вода...

Замок с трудом поддавался мокрому, дрожащим от холода пальцам. Артемий ввалился в квартиру, поставил сумку, швырнул на пол куртку, нога об ногу стащил хлюпающие кроссовки.

– Артемий, это ты? – из кухни донесся недовольный женский голос.

– Ух! – пробормотал Артемий и быстро поднял с пола куртку – брезгливо, двумя пальцами – примериваясь, куда бы ее повесить. Повесил на полуоткрытую дверь кладовки и, бросился вытаскивать из промокшей сумки пенопластовый контейнер, одновременно крича:

– Я, Лар, а то кто же? Фу, ну и денек! На улице ливень, настроение у клиентов паршивое, все в драку лезут. То ли на солнце бури, то ли я, наконец, забрел в свою черную полосу. А черная полоса, она, знаешь, тащит неприятность за неприятностью. Только ты у меня радость – сейчас полезу целоваться...

– Чего так рано? – спросила Лариса, появляясь на пороге кухни. – Позвонить не мог?

Взгляд у нее был напряженный, как и поза – руки скрещены на груди, сведены плечи. Артемий растерянно хмыкнул.

– Да вот, с клиентом пролетел, – словно извиняясь, сказал Артемий и, быстро чмокнув Ларису в щеку, направился на кухню. – Да еще дождь этот... Есть, чего слопать, а?

Последнюю фразу он произнес в лицо незнакомому мужику, который топтался тут же, на кухне.

Конечно же, это мог быть какой-нибудь приезжий Ларин родственник. Ничто не мешало ему быть и сантехником. В конце-концов, он мог зайти к Ларисе и по работе, хотя непонятно – зачем?

Да только вот, по растерянному взгляду мужика, да по бутылке мартини в его руках было понятно, что, если он и сантехник, то во вполне конкретном кинематографическом амплу.

– Ну, да, мартини, – криво улыбаясь сказал Артемий, в упор разглядывая незнакомца. – А ты чего не на работе, Лар? Хотя ладно...

С контейнером под мышкой Артемий прошлепал мокрыми носками в единственную комнату. Почему-то его не удивил разложенный диван и скомканные простыни. Только отвратительный комок подскочил к горлу и снова пропал.

– Чего ладно? Чего ладно-то?! – взвилась вдруг Лариса.

Из коридора доносились звуки, из которых явствовало, что мужик с мартини спешно обувается и вылетает прочь. Крепкий такой мужик, хорошо одетый. И «ренж-ровер» внизу, под окном – тоже, видно, не бесхозный.

Гламурный такой сантехник.

Артемий сел за стол, положил перед собой контейнер и уперся о стол локтями. Неужели, наконец, случилось...

– А ты чего думал! – где-то за спиной ледяным тоном вещала Лариса. – Что я буду терпеть это бесконечное издевательство над собой?! Ждать, пока ты реализуешь свои иди-

отские замыслы? Слушать бредовые разговоры и сидеть до бесконечности в съемной конуре?!

– Ну, да, «ренж-ровер»! – неожиданно для самого себя рассмеялся Артемий.

– Причем тут... – запнулась Лариса и вдруг закричала, мол, да, а что плохого, если у делового человека и машина отличная? А вот ты, ты...

Артемий не слушал: он просто улыбался. Ему вдруг стало ужасно легко – словно не треснули и без того натянутые отношения с Ларисой, а лопнул давно томивший гнойник. Просто смешно: словно в глупой-преглупой комедии, в которой только ему одному дано право смеяться.

– Да ладно, не бери в голову! – сказал Артемий Ларисе и подмигнул ей. – Действительно, хорошая машина. И пузо ничего себе...

– Что? – непонимающе спросила Лариса.

Она сжимала кулаки, стремясь к эскалации скандала, но, видимо, что-то смазалось, пошло не по продуманному сценарию.

– Пузо говорю, у него нормальное, – пояснил Артемий. – Еще одна подушка безопасности.

Лариса будто только того и ждала. Поднялся крик, но Артемий не слушал: пришло SMS-сообщение от Переверзева: «Для тебя кое-что есть. Приходи в б».

Продолжая кивать в такт Ларисиным речам, Артемий не

заметил, как она ушла. Только когда хлопнула дверь, он вздрогнул, и улыбка медленно сползла с лица.

Потому что ничего веселого на самом деле не произошло.

Это еще один удар – из тех, что должны делать нас сильнее, но почему-то заставляют тихонько сжаться где-то в углу и завять от бессилия.

Артемий встал из-за стола, мрачно огляделся и направился на кухню. Сделав бутерброд с толстым кругляшом вареной колбасы, он наткнулся взглядом на бутылку мартини, оставшуюся на столе. Некоторое время он смотрел на нее, словно на зловещий мистический артефакт. Вспомнив об артефактах, снова улыбнулся – уже не так весело.

И взял бутылку.

– А за мартини спасибо, – сказал он вслух, наливая вермут в стакан с потемневшим подстаканником. – Это жест, ничего не скажешь. Особенно для сантехника.

С бутербродом и мартини отправился в комнату. Сел на пол, брезгуя прикасаться к простыням на диване, и всюду отдался невеселым размышлениям.

Все-таки хорошо, когда в жизни есть что-то, кроме житейских дразг, скандалов, измен и утомительной борьбы за существование. Эдакий крепкий, стоящий всего остального стержень, который не даст упасть, опустить руки, который всегда будет напоминать: всегда есть что-то гораздо более значимое и важное. Нечто, что помогает любить жизнь, несмотря ни на что.

Тайна.

...Взгляд упал на мобильник. Артемий вздрогнул: он совсем забыл про сообщение. Уже выскакивая на улицу, мельком подумал: самое ценное стоит прихватить с собой. В любой момент Лара может вернуться и вытащить все подчистую – она не раз намекала на подобный вариант.

Нет, ну надо ж, как получилось! При всей сложности отношений даже в голову не приходило, что подруга может вернуть шашни у него за спиной. Это просто как-то не укладывалось в голове. Наверное, оттого, что мы знаем человека не таким, какой он есть, а таким, каким хотим его видеть.

Впрочем, хорошо, что все так быстро разрешилось. Или же это только наивные предположения, что легко и быстро?

Он остановился у ветхого, довольно облезлого здания, но с мощными дверями и массивными решетками на окнах. Серая табличка на стене сухо сообщала, что здесь, помимо всего прочего находится следственный отдел следственного управления следственного комитета... ну и так далее. Эта надпись напоминала Артемию жуткое и бессмысленное закливание из трудов чернокнижников.

И, тем не менее ему сюда.

Артемий набрал на мобильнике номер:

– Макс? Привет! Получил сообщение... Да, здесь уже ...

Скажешь, чтоб пропустили?

Некоторое время пришлось потоптаться на входе у поста.

Сотрудник в форме держал у виска трубку и сверлил Артемия взглядом.

– Угу... М... Паспорт давайте...

Лениво взял паспорт и принялся медленно заносить данные в журнал посещений. Артемий с любопытством смотрел на сотрудника. Пытался представить себя на его месте: вот так, с восьми до шести, или сколько там, – отсиживать зад на входе, медленно, но все равно, неаккуратно, записывать в журнал паспортные данные. И так до пенсии.

Его передернуло.

– Что такое? – не поднимая головы, поинтересовался сотрудник.

– Да ничего, – усмехнулся Артемий.

– Паспорт заберите... Вот пропуск – отметите в кабинете и отдадите на выходе...

– Ага...

Внутренности управления, где Артемий уже бывал неоднократно, всегда вызывали странные чувства: в здешней атмосфере тайны не меньше, чем какой-нибудь шаманской пещере. Нельзя сказать, что здесь царило зло. Но остро чувствовалось полное отсутствие добра – словно воздух был высушен чрезмерным использованием кондиционеров... А, может, в кондиционерах все и дело?

Артемий постучался в дверь с номером «21», вошел.

Макс, как и следовало ожидать, увлеченно колотил двумя пальцами по древней компьютерной клавиатуре, курил.

Увидев гостя, оскалился с сигаретой в зубах и, не вставая, протянул руку.

– Здоров, я вовремя? – Артемий пожал приятелю руку, огляделся.

В уголке на стуле ссутулился худощавый мужчина замученного вида.

– Здоров, здоров, заходи! Посиди, пожалуйста, пару минут, я закончу, – Макс вивнул в сторону мужчины и заколотил по клавишам быстрее.

Через несколько минут он что-то распечатал на завывающем, как бор-машина, принтере, мужчина расписался и ушел, хотя Артемий почему-то предполагал, что того уведут под конвоем.

– Ну, рассказывай, как жизнь? – весело спросил Макс, очевидно, довольный завершением рабочего дня.

– Нормально, – сказал Артемий. – Лариска от меня ушла. С хахалем ее застукал.

– Да ладно! – искренне возмутился Макс, ломая сигарету в пепельнице. – Хочешь, мы на этого хахаля какой-нибудь бесхозный труп повесим?

– Ты чего? – заморгал Артемий. – Ушла и ушла... При чем тут хахаль?

– Да, ладно, извини, – смутился Макс. – Дурацкая шутка, сам понимаю...

– Ничего... Рассказывай, чего там интересного для меня есть? – спросил Артемий.

– А, это... – Макс странно изменился в лице, встал.

Прошелся взад-вперед по кабинету, хлопая по бедру автотурочкой, словно не мог собраться с мыслями.

– Ну, в общем, такое дело, – проговорил он, снимая со шкафа толстую папку. – Пытался я на досуге систематизировать накопившиеся «висяки». Обычное дело, но... Кое-что мне показалось странным.

Макс бросил папку на стол, поверх других бумаг. Не без труда распутал тесемки.

И где он только раздобыл такую – древнюю, коричневую, совершенно жуткого, безнадежного вида, в каких, наверное, хранились «дела» в дремучих членовредительских «тридцатых». Артемию не раз приходилось иметь дело с подобными, и чего только в них он не находил. Это не просто папки – это капсулы времени, жуткие, наполненные горем, страданиями, похороненными заживо тайнами...

– Пытался, в общем, понять закономерность некоторых смертей... – сказал Макс, перекладывая бумаги.

– Смертей? – повторил Артемий. – Убийств?

– «Глухарей» – покачал головой Макс. – В некоторых случаях нет однозначного ответа, от чего наступила смерть: было ли это убийство или несчастный случай.

– Понятно, – кивнул Артемий.

– Понятно? – хохотнул Макс, разглядывая извлеченные из папки фотоснимки. – А мне, представляешь, ни черта не понятно... Так вот, было у нас несколько случаев, когда по-

тенциальная жертва знала о готовящемся на него покушении и даже просила о помощи.

– У вас?

– Нет, конечно, мы этим не занимаемся. Нас интересуют только результаты, а не подозрения. Так вот, значит, занимались этими несчастными охранные агентства и, сам понимаешь, менты. Ну, охраняли, как могли, а в результате – получите, распишитесь: покойники. Причем, во всех материалах одно и то же: те, кто ожидал покушения, вели себя крайне нервозно, даже истерически. Это, в общем, понятно, но как-то...

– Так это были убийства? – нетерпеливо спросил Артемий, пытаясь понять логику друга.

– В одном случае – да. Ножевое ранение в сердце – охрана не уследила. В других же случаях даже эксперты разводят руками: ждал покушения, а вместо этого поскользнулся и упал горлом на железный штырь. Причем, на глазах у охраны.

– Красиво... – пробормотал Артемий.

– Да уж, – согласился Макс. – У другого – сердечный приступ, тоже на руках охранников. Еще один зашел в туалет и не вышел. Охрана дверь сломала, да толку...

– Тоже приступ?

– Здесь медики только мычали невразумительное, да ничего в результате сказать не смогли. Какие-то общие фразы про «внезапную смерть».

– Да, это странно, – признал Артемий. – Но вряд ли ты бы

меня позвал, если бы не было какого-нибудь «но».

Макс оживился. Глаза его сверкнули, он хитро прищурился.

– Да, верно. Я долго искал это «но». И, похоже...

Макс аккуратно, одну за другой, словно крупье, открывающий карты, разложил на столе несколько фотографий. Какие-то люди. Качество ужасное, лиц почти не разобрать.

– Это из материалов наружного наблюдения, – пояснил Макс. – Стоп-кадры видеосъемки охраняемых, незадолго до гибели. Замечаешь что-нибудь интересное?

В глазах Макса сверкнул азарт. Он следил за приятелем, словно за мальчишкой, которому задал интересную загадку. Артемий поймал взгляд, склонился над фотографиями, пытаясь разобраться.

– Ч-черт, – он покачал головой, – качество, однако...

– Надо будет попросить видеозаписи, – кивнул Макс. – Но если ты присмотришься, то увидишь: вот, вот, вот и вот...

– Один и тот же человек! – произнес Артемий. – Так ты его подозреваешь?

– Да нет же! – Макс досадливо оборвал Артемия. – Если бы подозревал его в убийстве, то не с тобой разговаривал, а с начальством, чтобы делу снова дали ход. Ни в чем криминальном этот тип не замечен. Кроме одной занятной вещи. Всем нашим покойникам незадолго до смерти он просто-напросто перешел дорогу.

Наступила тишина. Артемий почувствовал, как по спи-

не пробежал неприятный холодок, а сердце куда-то провалилось и пропустило удар.

Перешел дорогу...

Артемию стоило немалых усилий произнести:

– Так ты думаешь – это он и есть?..

Облизал губы и добавил – хотя в этом уже не было необходимости:

– Переходящий дорогу?

Артемий впился глазами в расплывчатое изображение человека в сером плаще. Какая-то блеклая внешность. Он совсем не так представлял себе его...

Макс ответил не сразу. Уселся на скрипучий стул, закурил, глядя в окно.

– В общем, я тебе рассказал о своих наблюдениях, – неспешно произнес он. – Как ты и просил меня. Выводы делай сам: к моей компетенции это совершенно не относится. Сам факт перехода дороги кем-то перед кем-то не влечет уголовной ответственности. Я даже коллегам говорить повременю. Еще засмеют, выставят перед начальством идиотом...

– Так сам ты в это во все не веришь? – осторожно поинтересовался Артемий, жадно всматриваясь в фотографии.

– Я тебе все рассказал, – устало сказал Макс. – Чистые факты и умозрительная связка: перешел дорогу – смерть. Конечно, это только то, что удалось увидеть на пленке своими глазами. Но, сам понимаешь, зрение обманчиво, и уви-

деть можно то, что очень хочется увидеть. Человек, вроде бы, один и тот же... При желании, под это дело можно много «висяков» притянуть...

– Нет-нет! – быстро сказал Артемий. – Мне нужны только настоящие...

– Забирай, – сказал Макс. – Это копии, папку специально для тебя собрал. Но не дай бог всплывет, что я тут материалы направо и налево раздаю...

– Могила! – пообещал Артемий и поежился от двусмысленности сказанного.

– Я, конечно, не уверен, что вся эта мистика – правда, – сказал Макс. – Но, все же, не советую лезть в это дело...

– Почему? – спросил Артемий.

Макс скривился:

– Как бы тебе объяснить... Не нравится мне это. И просьба твоя не нравится... Елки зеленые! Да я никогда не верил в эту чертовщину! Но стоило с тобой связаться...

Макс покачал головой и рассмеялся:

– Слушай, а может, это просто ерунда? Совпадение, чушь? А мы с тобой страху развели, как дети в пионерском лагере с ночными страшилками, помнишь? Ей богу, а?

Теперь смеялись вдвоем. Хотя Артемий имел и собственное мнение, но юмор оценил: сколько раз уже под загадочной оболочкой оказывалась пустышка.

Внезапно Макс перестал смеяться и сказал:

– Разумеется, ерунда полнейшая. Но ты, все же, не связы-

вайся. Все это может быть и самая обыкновенная уголовщина...

Эта папка странным образом стала спасением от угрюмых мыслей, неизбежных при расставании. Он просто забыл о Ларисе и ее дурацком «сантехнике» с джипом, брюхом и мартини.

Впрочем, о мартини он как раз таки и не забыл: вылил остатки в стакан, прихлебывал пьянящую жидкость, жадно копаясь в «подарке» Переверзева. Папка лежала на на потертом ковре хозяйской квартиры, а Артемий нависал над ней, пытаясь свести в затуманенном сознании все имеющиеся у него ниточки и зацепки.

Переходящий дорогу.

Странная легенда, отзвуки которой доносились до него временами с разных, самых неожиданных сторон. Это была, между прочим, одна из тех историй, верить в которые он отказывался – просто потому, что до сих пор ни один из многочисленных знакомых не удостоился личной встречи с загадочным персонажем. Хотя последнее можно и объяснить: мало кто из тех, кому Он перешел дорогу, мог что-то рассказать в дальнейшем.

На основании слухов и всевозможных обрывочных упоминаний, можно сделать вывод – не обязательно встреча с Переходящим влечет быструю и неизбежную смерть. Хотя это довольно распространенный вариант. Видимо, потому,

что он – самый яркий, заметный, неизменно отражающийся в сознании людей и криминальных хрониках. Но наверняка были и те, чья жизнь менялась не менее ужасным образом, чем просто оборвавшись смертью...

Кто он, одним своим появлением несущий страх и смерть? Первая мысль – это сам Сатана, таким замысловатым образом издевающийся над людьми. Но мало кто принимал такой вариант: сила была, безусловно, темная, злая, но слишком очеловеченная.

Наверное, Артемий никогда бы не заинтересовался бы этим странным явлением (не более, впрочем, странным, чем многие другие загадки темной стороны жизни), если бы его однажды настойчиво не попросили заняться этим вопросом...

Он даже не услышал, как вернулась Лариса. Когда же оторвался от содержимого папки и поднял голову, заметил: выглядит она растерянной и удрученной. В этот момент, наверное, должна была проснуться жалость. Но Артемий с отстраненным удивлением понял: место запутанного клубка чувств, заняло одно лишь необъятное серое равнодушие.

Решение пришло спонтанно. И уже скоро он брел по лужам вечернего города, нагруженный немногочисленными пожитками. В этом было что-то свежее, озорное, давно забытое под грузом унылой повседневности.

Поначалу Артемий просто шел, расслабленно размыш-

ляя: где придется сегодня ночевать, что завтра есть и вообще – в каком направлении двигаться?

Но увесистая папка в сумке давала надежду – тайные заказчики будут достаточно щедры, и проблема голода отойдет на второй план. Что же касается ночлега, то варианты имелись. И Артемий, как человек неординарный, выбрал, наверное, наименее удачный.

У него был знакомый шаман. Точнее, знакомых шаманов было несколько, но лишь с одним сложились дружеские отношения – достаточные для того, чтобы пустить Артемия в свою берлогу на ночь.

Шамана звали Архип, по крайней мере, так он себя называл. Он не бедствовал: забавно, но в наше рациональное время многим требуются услуги хорошего шамана. Однако жил не отнюдь не в пентхаусе, а в невесть как сохранившемся деревянном домишке на окраине Москвы. Добраться туда было не просто, и Артемию пришлось изрядно потрястись сначала на маршрутке, потом на автобусе, после чего пройти пешком по не очень гостеприимному переулку.

Проблема была еще и в том, что шаману не дозвониться: Архип не признавал мобильных телефонов. Он уважал эфирных духов и не смел тревожить их обитель радиоволнами.

А потому Артемий надеялся, что Архип дома. И не найдет веского повода оставить его на улице.

Скрипнула калитка, и Артемий замер перед входом. Традиционный шаманский фокус – заранее прознать о приходе гостя.

– Проходи, – сказал Архип, пропустил Артемия и закрыл следом калитку. – Что, с Лариской, наконец, разбежались?

Все-таки было что-то завораживающее в шаманстве. Эдакая наивная простота, с которой Архип выдавал сакрально добытую информацию, имеет свое очарование. Хотя некоторым, конечно, больше нравятся таинственные намеки черных колдунов.

– Да, – просто ответил Артемий, подымаясь на крыльцо. – Можно сказать, разбежались.

– Видно, время пришло, – прищурился шаман, пропуская гостя в дом.

Шаман приподнялся на цыпочках и прибавил света в висевшей под низким потолком керосиновой лампе.

В доме не было электричества. Совсем – если не считать того, что шло к спрятанной в сенях душевой кабинке. Странное пренебрежение благами цивилизации, особенно на фоне возводимой рядом «элитной» многоэтажки. В первобытной тишине дома странно звучали протяжные скрипы и стоны, сопровождающие работу башенных кранов по соседству.

Неизвестно, имел ли этот бытовой минимализм значение для отправления культа, но на городских жителей, это, безусловно, оказывало воздействие. Архип свое дело знал.

На стене висели огромные ветвящиеся рога и шкуры –

медвежьи, олени, каких-то зверей поменьше, а главенство-вали надо всем бубны со звонко натянутой кожей – пара по-меньше и огромный, больше, чем в половину человеческо-го роста. Прочие шаманские реквизиты были расставлены и разбросаны только в одном Архипу понятном порядке.

– Да, – повторил шаман, – время пришло... Нехорошее время к тебе пришло.

– Да уж, – не стал спорить Артемий и уселся на лавку у стены – один из немногих здесь предметов мебели. – Чего хорошего: с подругой разругался, остался без крыши над головой, да еще сделка сорвалась...

– Это все только знаки, – сказал шаман, разводя огонь в маленькой дровяной печке. – Настоящая беда впереди...

– Чего это ты, Архип? – нахмурился Артемий. – Я ж не проситель какой-нибудь, я не к шаману пришел, духов убла-жать, а к другу. Ты, если поддержать не хочешь, то хотя бы не подтрунивай.

– Вот еще, – усмехнулся шаман, и на плоском восточном лице сверкнули отблески печного огня, – подтрунивать над тобой! Ты пришел и беду за собой приволок – какой уж там смех...

Артемий поежился. Архип не из болтливых. Он знает, что говорить, и когда. Неспроста к нему за советом тайно при-езжают люди, чьи имена не поминают всуе. А ведь и не ска-жешь, что невзрачный азиат в мешковатой хламиде парой коротких фраз может повлиять на экономику или политику

целой страны...

Архип сидел на полу, на шкурах, заменявших ковры и мебель. Он закуривал длинную трубку, которую Артемий про себя называл «трубкой мира». Непонятно, действительно ли шаману нравился процесс, или же трубка была лишь частью хорошо разработанного образа...

– Садись, – предложил Архип, указывая перед собой. – Рассказывай о своей беде.

– Да брось ты, – сказал Артемий, но послушно уселся на пол. – Какая там беда? Просто работа. Ты ведь сам только и делаешь, что пляшешь с чужими бедами...

– Я пляшу с бубном, – спокойно сказал Архип. – И не с духами, а для духов. Это разные вещи. Я все время в стороне. И я знаю, чего прошу, куда иду. А ты-то знаешь, куда идешь?

Артемий прищурился, посмотрел на шамана подозрительным взглядом.

– Тебе что-то известно?

– Про твое задание? – усмехнулся шаман. – Кое-что. Ты же знаешь этих людей: они никогда не делают ничего без подстраховки. Так вот: ты та самая подстраховка и есть...

– Это еще почему?

– Потому что я отказался от этого дела.

Артемий помолчал, раздумывая. Архип терпеливо пыхтел трубкой.

Вот это номер! Есть над чем подумать. Выходит, вся эта история с Переходящим – не пустая блажь состоятельных

любителей оккультизма. Он действительно не в шутку понадобился кому-то. Сразу возникает вопрос – зачем? Заключить с ним сделку, словно доктор Фауст с гостем из преисподней? Но ведь Переходящий дорогу – вовсе не всесильный Сатана. Он всего лишь носитель определенной функции в сложном мистическом мире, исполнитель незримой воли того, кто управляет судьбами. Его маленькое дело – переходить дорогу обреченному.

Другой вопрос: обреченному на что? И за что? Еще пара вопросов, на которые нет ответа.

Впрочем, сейчас волнует другой вопрос: Переходящего следует найти хотя бы потому, что за это можно сорвать немалый куш. Деньги сейчас не помешают. Хотя бы для того, чтобы уехать куда-нибудь подальше. Хотя бы, на поиски реальных артефактов, которые давно уже пора предъявить взамен фальшивых «образцов».

Мысли унесли Артемия в далекие горы, пустыни, к заброшенным городам и развалинам в диких джунглях. Видимо, все это было написано у него на лице, и Архип, словно ненароком, пустил ему в лицо едкого дыма. Черт возьми, что он там такое курит?

– И ты откажись, – сказал шаман, чей таинственный силуэт был едва различим в дымном облаке. – Не стоит это дело никаких денег, поверь...

– Поздно, – Артемий криво улыбнулся и бросил на шкуры перед шаманом толстую картонную папку.

Архип равнодушно поглядел на фотографии, затем на Артемия и покачал головой:

– Зря ты своего друга сюда подтянул. Он ведь скептик?

– Да, – кивнул Артемий. – Не верит он в силы.

– Нечего делать скептикам в пространстве веры и сил. Может случиться беда...

– Да я знаю, – пожал плечами Артемий. – Он просто снабжает меня информацией. У меня еще несколько скептиков на подхвате. А куда мне без них? Они лучше нас обращаются с фактами. Да и вообще, с серьезной информацией они только и работают ....

– Да, – согласился шаман. – Несовпадение миров. Мы разные, но не можем друг без друга...

Некоторое время лениво поболтали на отстраненные темы. Пока у Артемия в кармане джинсов не звякнул телефон.

Глянул на экран: Переверзев.

– Арт! – задыхаясь от волнения, выдохнула трубка. – Хватай тачку и дуй ко мне!

– Да что стряслось? – пробормотал Артемий, невольно поднимаясь на ноги. – Ночь на дворе!

– Я его видел! – крикнул Переверзев.

– Кого? – тупо спросил Артемий.

Хотя мог бы и не спрашивать.

– Кого-кого – его! Он перешел мне дорогу! Представляешь?!

– Ты дома?! – крикнул Артемий, беспомощно крутясь на

месте. – Никуда не выходи! Я мигом!

– Ты тоже будь внимательнее! – уже спокойнее сказала трубка. – Забавное дело... Короче, приезжай, расскажу подробности!..

Телефон отключился.

– Подробности... – бездумно повторил Артемий.

Шаман, набивая трубку каким-то зельем, исподлобья посмотрел на Артемия и поинтересовался:

– Началось?

– А?.. – непонимающе отозвался Артемий.

И бросился к дверям.

– Я съезжу и вернусь, ладно? – крикнул он, неловко натягивая нерасшнурованные кроссовки.

Архип ничего не ответил, продолжая сидеть спиной к двери.

В этом доме приходилось бывать часто. Переверзев не просто полезный знакомый. Он лучший друг. Хотя данное обстоятельство иногда казалось удивительным: слишком они разные – трудоголик и весельчак Макс и темный романтик, склонный к рискованным авантюрам Артемий. То, что Артемий и вправду «латентный романтик», поведал ему именно Переверзев. В свою очередь Артемий раскрыл в педантичном сотруднике «органов» опасную склонность к трудоголизму.

Видимо, объединяла их мучительная тяга к мрачным тай-

нам. Преступного ли мира или же мира потустороннего – тех миров, которые вторгаются в нашу жизнь, наполняя ее кошмарами и отвращением к человеческой природе.

Что же, и в отвратительном есть своя эстетика...

Железная дверь подъезда прочно присосалась к замку. Артемий набрал номер на металлической клавиатуре домофона, но ответа не дождался. С неприятным предчувствием выбрал номер Макса в списке звонков мобильного.

Телефон отвечал лишь длинными гудками.

Артемий топтался у подъезда, не зная, что предпринять. Выручила какая-то пожилая женщина – открыла дверь магнитным ключом. Артемий, словно тень, нырнул вслед за ней. Женщина испуганно прижалась к стене, расписанной сомнительными надписями. Не дожидаясь лифта, Артемий помчался вверх по лестнице.

Уже не удивило отсутствие реакции на череду отчаянных звонков у двери. Сердце бешено колотилось – то ли от сумасшедшего подъема, то ли от жуткого предчувствия...

В отчаянии пнул дверь ногой. Та дернулась, со скрипом подалась навстречу. Артемий потянул ручку, двинулся вперед, в ярко освещенную прихожую, зовя вмиг одеревеневшим голосом:

– Макс! Макс, ты дома?!

Мельком отметил – во всей квартире горит свет. Но ни в одной, ни в другой комнате нет Макса. Нет его и на кухне.

Будто по какому-то наитию Артемий медленно открыл

дверь в ванную.

На полу, вжавшись в угол сидел Макс. Скрюченное, будто сведенное судорогами тело уже начало коченеть, но глаза, так и остались раскрытыми. Они смотрели куда-то поверх Артемия. Застывшая гримаса ужаса исказила лицо почти до неузнаваемости.

Артемий прижался к стене напротив, медленно осел на пол. Тело вдруг стало мокрым от болезненного пота. И только сейчас он заметил лежащий на кафеле пистолет.

– А у пистолетика-то курок взведен! – сказал криминалист, осторожно приподняв пистолет за предохранительную скобу. – В кого же это он стрелять собирался?

Вопрос был риторический, но косвенно адресованный Артемию. Он сидел на краешке дивана, совершенно потерянный. На него хмуро смотрел следователь – коллега Переверзева.

Для следователя, эта смерть – ЧП с большой буквы: Макс был одним их ведущих спецов, на него замыкался целый ворох нераскрытых дел, море «текучки» и вообще... Гибель такого человека, как Макс, как ни цинично это звучит, влечет за собой куда больше последствий, чем смерть богом забытого бомжа на товарном полустанке...

Артемий еще не понимал толком, в каком положении оказался: вчера его видели в управлении, он собственноручно расписался в журнале посещений. И если у кого возникнет

желание искать подозреваемых, то он – первый в списке. Но сейчас мысли были вдалеке от собственной судьбы. Как так-са чует в норе зверя, он чувствовал дыхание темной тайны – и только это имело значение...

Из ванной доносилось недоуменное ворчание судмедэксперта: тот все никак не мог понять причин смерти. Хотя для специалиста внешняя причина вторична: ему важно лишь то, что непосредственно повлекло смерть. И в данном случае похоже, что человек просто умер от страха. А уж что стало причиной последнего – уже компетенция следствия...

Просто. От страха.

Да уж, куда проще...

Кого он мог так испугаться? Переходящего дорогу? При всем желании трудно поверить...

– Только вскрытие! – выйдя из ванной, подытожил судмедэксперт.

– Но почему он не стрелял? – задумчиво произнес следователь, продолжая в упор рассматривать Артемия.

– В кого? – пожал плечами эксперт.

Еще были понятые, крики и слезы жены, примчавшейся от родителей, собственные машинальные ответы, протокол...

Все это дурным сном проплывало мимо. А в глазах стояла только расплывчатая картинка: невзрачный человек в сером плаще, неспешно переходящий дорогу...

3

Как оказалось, телефон целый день трясся не зря. Неожиданно обвалились акции одного из дочерних предприятий. Хотя, не так уж и неожиданно – кризис продолжал душить все, что еще шевелилось. Так или иначе, доверенным лицам для принятия решений требовалась отмашка руководства. Сейчас ситуацию уже можно считать запущенной.

Однако Павел неожиданно для самого себя обрадовался этой, на первый взгляд, крупной неприятности. Уйдя в текущие дела, а точнее – занимаясь спасением предприятия от краха, можно забыть на время о еще одном кошмарном дне.

Он вызвал авральную команду директоров, юристов и финансистов. Дорогие машины колонной выстроились вдоль высокого забора особняка, словно внутри проходило вручение «Оскара». Телефоны разрывались, в просторном холле стоял галдеж – шел традиционный «мозговой штурм».

Главный козырь – «административный ресурс» – как обычно оставался за Павлом. Это очень серьезный разговор, велся он по защищенной линии, и Павел, с трубкой у уха, собирался выйти в сад через заднюю дверь. Шел быстро, на ходу настраиваясь на собеседника, стараясь говорить как можно увереннее и убедительнее.

– Да, да, конечно! Безусловно, Константин Сергеевич, даже не может быть разговоров... Нет, ни у кого не возникнет

вопросов. Ну, вы же меня знаете. Да... Ха-ха-ха... Конечно, завтра ровно в два буду у вас...

Последнюю фразу произнес, замерев на месте: он смотрел на улицу, сквозь стеклянную дверь, туда, где в вечерней темноте, подсвеченный садовыми фонарями, ждал и укоризненно качал головой он.

Переходящий дорогу.

Вся напускная бодрость, вся энергия и уверенность куда-то улетучились. Павел скомкано закончил разговор, словно на автопилоте, так же машинально щелкнул трубкой-слайдером. Открыл дверь.

– Ай, яй, яй! Как можно давать обещания, которые не в состоянии выполнить? Ведь у тебя завтра съемки, если я не ошибаюсь?

Переходящий говорил мягким, чуть насмешливым голосом. Обычная его манера.

Глаза Павла налились кровью. Он был близок к срыву.

Хотя... Этот срыв наступил уже давно. Он тащил вниз, со все нарастающей скоростью, как набирающая массу снежная лавина. Иногда казалось, что с ним все в порядке. Он просто разберется с этим проклятым долгом – и вновь станет свободным и здоровым – тем, прежним преуспевающим, вызывающим всеобщую зависть магнатом.

Только что-то подсказывало: необратимые процессы с тела давно перекинулись на душу. Он никогда уже не станет прежним.

Переходящий дорогу с самого начала добивался только одного: его гибели.

Но зачем же тогда он дал ему эту отсрочку?

– Когда ты перестанешь меня мучить?.. – прохрипел Павел, прижимаясь спиной к прохладной стене. Устало закрыл глаза.

– Разве это муки? – искренне удивился Переходящий дорогу. – Муки ждали тебя в больнице, под капельницами, в окружении приборов, шаманов-врачей, создающих иллюзию лечения. А сейчас ты участвуешь в забавном аттракционе, да еще получаешь за это суточные...

Переходящий дорогу рассмеялся и добавил:

– Ты же видел, как довольны твои друзья по съемкам, как им нравится происходящее...

– Какие они мне, к черту, друзья! – сжав кулаки, выдохнул Павел. – Я ненавижу их всех! Толпа восторженных идиотов – что у меня с ними общего?! Моя жизнь здесь, на этом совещании, на моих предприятиях, с моими специалистами и...

– ...рабами! – понимающе кивнул Переходящий дорогу. – Я очень хорошо понимаю тебя: власть – это сильный наркотик. Не так просто от него отказаться, даже на время...

– Какое время? – быстро спросил Павел. – Назови мне время: я все устрою так, что смогу и с работой справиться, и с моим долгом перед тобой...

Переходящий тихо рассмеялся:

– Только посмотрите на него: все успеет! Прямо Юлий Це-

зарь – десять дел одновременно! Нежели ты не понял, что я требую от тебя выполнения долга ВЗАМЕН всех твоих дел?

– Ты хочешь меня разорить?! Лишить меня моей жизни, всего, к чему я шел годами?! – в ярости прорычал Павел.

– О том, как и к чему ты шел, мы не будем сейчас вспоминать, – небрежно сказал Переходящий. – К тому же твоя жизнь давно закончилась. Ты умер.

– Что?.. – Павел похолодел.

– Фигурально выражаясь, конечно. Полгода назад ты должен был умереть в чудной заграничной клинике.

– Хватит, хватит об этом!

– Да я и не настаиваю. Просто продолжай исполнение долга – будешь жить и наслаждаться жизнью.

Переходящий исчез в темноте сада.

Он снова лжет. Лжет, улыбаясь в глаза Должнику, как любит это делать.

Потому что прекрасно знает, что значит для Павла жить и наслаждаться жизнью. Да, он абсолютно прав: деньги, власть – это наркотик. И наркотик, может даже, посильнее, чем страх смерти. А тот, кому он должен, намеренно лишает его дозы. Он знает свое дело – его мучитель. Прекрасно знает...

Павел еще держался, но чувствовал, что близок к тому, чтобы послать к чертям опостылевший долг.

Стоп, стоп. Главное, не терять критичности мышления.

Ему приведены доказательства. По воле Переходящего дорогу ему действительно становилось то лучше, то хуже...

А если это, все-таки, «развод»? Тонкая игра врагов, каких, положи руку на сердце, и не сосчитать? Чего стоит подсыпать что-то в еду, тайком вколоть, распылить в воздухе, чтобы создать иллюзию болезни или выздоровления?

А что, если он вовсе и не был болен? Никогда?! А врачи – они просто заодно?! Они – просто часть заговора!

Павел расхохотался этой мысли. Она и раньше приходила ему в голову, но никогда не была нужна так, как сейчас!

– Хорошо, – потирая руки, сказал себе Павел. – Завтра мы посмотрим, что ты сможешь сделать...

Весело насвистывая, он направился в холл, где продолжали препираться подчиненные, и, как правильно заметил вечерний гость – его самые настоящие, азартно-исполнительные, преданные, как собаки, и трусливо заискивающие рабы.

На утро все повторилось. Сначала шумный автобус, затем переодевание в полосатые робы.

Но теперь внутри периметра бутафорского лагеря смерти появились настоящие актеры.

Массовку выстроили у барачков, в окружении актеров в костюмах солдат и офицеров. Впереди поставили специально отобранных – наиболее тощих, небритых, несчастных. Стоя в заднем ряду, Павел тихо и зло посмеивался. На него недоуменно косились «коллеги». С ним явно что-то происходило, он начинал выбиваться из навязанного массовке образа.

Актер в офицерской форме, чья сцена намечалась в бли-

жайшем кадре, задумчиво прохаживался вдоль полосатых рядов, еле заметно шевеля губами и похлопывая стеклом по начищенному сапогу.

«В образ вживается», – уважительно прошептал кто-то.

За офицером следовала обильно курящая свита – тоже форме, только, очевидно, званием пониже. Особенно колоритен был небольшого роста полный актер в роговых очках, белом халате поверх формы и растрепанной папкой под мышкой. Станным образом он придавал происходящему чуть больше достоверности.

Массовка также вживалась в роль. Видимо, способствовал антураж, с которым с самого детства ассоциируются у нас с трудом представимые ужасы и мучения. Смешков становилось все меньше, на лицах некоторых появилось беспокойство: уж слишком натуральное выходило зрелище.

Но подплывшая на кране камера и ворвавшийся в лагерный пейзаж, словно выпрыгнувший из вестерна, второй режиссер, моментально превратили зловещий антураж в фарс.

– Актеры массовых сцен! – крикнул он, и голос его растворился в злобном лае немецких овчарок.

Вспомнив о мегафоне, поднял его и повторил гнусавым мегафонным голосом:

– Актеры массовых сцен, посерьезнее! На лицах беспокойство, страх, неуверенность! Представьте, что вас действительно привезли в концентрационный лагерь! Для справки: один неудачный дубль обходится нам в четыреста

долларов...

Некоторое время он метался, как загнанный зверь, ругался то с рацией, то с операторами, махал руками в сторону режиссерской палатки, яростно спорил с ряжеными «офицерами».

После этого вдруг хищно развернулся и рывкнул в мегафон:

– Все!!! Приготовились! Камера, мотор! Начали!

Сверху, словно хищная птица спикировала на кране камера, а режиссер рванул в сторону, исчезнув с площадки. Одновременно щелкнула «хлопушкой» ассистентка и также исчезла.

Офицер вдруг изменился – будто кто-то включил в нем новую программу. Взгляд стал надменным, брезгливым. «Офицер» заговорил высоко, громко, четко разделяя слова, с искусно изображаемым акцентом:

– Заключенные! Все, что я скажу – будет сказано только один раз. Вместо повторения сказанного невнимательных ждет немедленная смерть...

Посреди этой серьезной сцены раздался громкий, довольно циничный хохот. Актеров перекосило, массовка разом повернулась в сторону источника смеха.

Это был Павел. Он корчился от истерического смеха, указывая на «офицера».

– Стоп съемка! – раздался из чьей-то рации усталый голос. Тут же подскочил второй режиссер. Он был взбешен.

– Стоп съемка!!! – заорал он и метнулся к массовке. – Что там такое?! Ну чего здесь смешного?! Кто там такой веселый? Немедленно покиньте площадку!

Павел, продолжая смеяться, виновато помахал руками, и вдруг сказал, сменив интонацию:

– А могу я поговорить с продюсером?

– К-как это – «купить фильм»? – недоуменно и даже заикаясь, переспросил продюсер.

Он подозрительно смотрел на странного человека в полосатой робе, из-за которого, похоже, назревал скандал.

– Очень просто, – пояснил Павел. – Я хочу выкупить у ваших инвесторов все права на съемку, компенсировать издержки и лично профинансировать проект. Еще я хочу, чтобы все продолжалось по плану, за исключением некоторых моментов, которые я сочту нужным изменить...

– Вы в своем уме? – промакивая платком лоб, пробормотал продюсер. – Мне что же, вызвать охрану?

– Не советую, – широко улыбнулся Павел. – Я тоже сегодня с охраной...

Он кивнул на подкатившую кавалькаду из черных джипов. Из них не спеша выбирались сотрудники его собственного охранного агентства – крепкие, отборные ребята, порядком опаленные огнем и знающие вкус крови.

– Не волнуйтесь, – спокойно сказал Павел. – Я заплачу все и сразу и даже компенсирую упущенную выгоду – так

и скажите инвесторам. Только у меня требование: никакой огласки.

Это чувство стоило потраченных нервов. Чувство, близкое к сексуальному удовлетворению, но гораздо сильнее и острее: ощущение безмерного могущества, власти над планами и судьбами сотен вполне состоявшихся и известных людей, не считая безликой массовки.

А главное – ощущение победы над собственным страхом. Словно желая закрепить эту победу, в знак абсолютно-го пренебрежения общепринятыми правилами и табу, Павел стоял теперь по другую сторону от массовки.

В форме немецкого офицера.

Центр всеобщего внимания – полная противоположность безликой толпе статистов. Роль, к которой он привык, которая отвечала его мироощущению, которая была его правдой – единственной правдой, имеющей право на существование.

Сейчас в душе проросло новое чувство – неведомое ранее сладкое ощущение невероятной пропасти между ним, полубогом в красивом мундире, и всеми прочими.

Массовкой. Человеческой массой. Скотом...

Вообще-то, по предполагавшемуся сюжету, сцена в концлагере – всего лишь короткая сюжетная связка, роль нацистского офицера – вообще эпизодическая.

Но теперь это фильм Павла. Он стал одной из его многочисленных игрушек – вроде яхт, самолетов, спортивных ко-

манд. И сейчас Павел собирался насладиться придуманной им самим ролью, вдоволь посмеявшись над всеми этими навивными и мелочными людьми...

Как вдруг, в рядах «узников» увидел Его.

Острая боль пронзила тело Должника. Знакомая слабость, тошнота и мерзкий привкус во рту... Павел пошатнулся, не в силах поверить своим глазам и ощущениям.

Переходящий дорогу, не спеша, подошел к нему и сказал с улыбкой:

– Позвольте вас отвлечь ненадолго...

– Вот ты и нарушил нашу договоренность, – укоризненно сказал Переходящий дорогу. – Причем сделал это настолько вызывающим образом, что я никак не могу воспринять это как случайность...

Павел подавленно молчал.

– Наверное, ты уже чувствуешь, как болезнь берет свое, – с удовольствием сказал Переходящий. – К сожалению, теперь процесс стал неотвратим. И теперь я могу сказать наверняка: ты скоро умрешь...

Переходящий дорогу любовался ужасом и подавленностью Павла. Будто безумец, наслаждающийся отрыванием лапок у насекомых.

– Но я отдаю должное твоему старанию, – продолжал этот улыбчивый палач. – Ты долго держался, до сегодняшнего дня старательно выполнял свой Долг. А потому у меня для тебя

есть подарок.

Переходящий одарил Павла взглядом доброго Деда Мороза. «А ну-ка, дети, давайте угадаем – что же подарит дедушка маленькому Павлику?»

– Я дарю тебе твои полгода, – сладко сказал Переходящий дорогу. – Те самые, которые я забрал у тебя взамен года здоровой и полноценной жизни. Согласись: полгода жизни – щедрый подарок. Правда, это время придет с соответствующим довеском: со всем, что вытекает из твоей болезни...

Павел медленно осел в сухую, потоптанную траву. В голове стоял звон – отвратительный болезненный звон, про который он давным-давно успел забыть. И слова мучителя доносились сквозь эту звуковую завесу, отодвигая ее, словно театральный занавес...

– Полгода мучений и ожиданий неизбежного – это, конечно, не самый приятный вариант, – рассуждал Переходящий дорогу. – Но ведь в твоих руках такие возможности, м-м-м... Столько денег – и всего на полгода... Вполне можно остаться в памяти людей самым расточительным безумцем... А может, ты станешь в спешном порядке строить храмы и дома престарелых? Может, это тебе зачтется, а?

Тихий смех Переходящего заставил Павла выйти из оцепенения. Он закричал визгливым и страшным голосом:

– Рустам! Зигфрид!

Двое в черном, неподвижно стоявших у джипа, сорвались с места, на ходу выхватывая из-под пиджаков пистолеты.

– Взять его! Взять! – кричал Павел, тыча пальцем в ухмыляющееся лицо.

Телохранители замерли за спиной Павла.

– Ну, чего вы встали, болваны?! Взять его!

– Павел Аркадиевич, кого взять? – осторожно спросил Рустам, не переставая обшаривать глазами окрестность.

Но Павел и сам уже понял: Переходящий вновь обманул его. Просто, сделав из него дрожащий от страха разлагающийся труп.

– Помогите подняться! – сухо приказал Павел.

Телохранители ловко поставили его на ноги.

Ничем более не сдерживаемая злоба захлестнула душу, заглушая боль и страх. Тяжелым взглядом Павел оглядел съемочную площадку, работа на которой замерла в ожидании его распоряжений.

Полгода? Полгода и миллиарды в руках... Да, это неплохое сочетание, для того, чтобы осуществить самые заветные мечты. Жаль только, никаких желаний, кроме жажды пошлой человеческой мести уже не осталось.

Но месть – настолько сладкое чувство... И такой простор для творчества...

– Рустам, Зигфрид, – бесцветным голосом сказал Павел. – Ни один человек не должен покинуть территорию. Мне нужна полная, абсолютная гарантия от любой утечки информации...

– Понял, Павел Аркадьевич, сделаем, – сказал Рустам.

– И еще понадобятся надежные люди, – добавил Павел. –
Много надежных людей...

4

Артемий вышел из следственного управления в подавленном настроении. Никто прямо не заявил ему, что он подозревается в убийстве Переверзева, но, все-таки, настоятельно рекомендовали не покидать пределов города. Хотя подписки о невыезде тоже не взяли. Пока он проходил как свидетель по этому делу.

Наверное, эти несообразности объяснялись просто: в управлении просто не решили главного вопроса – убийство ли это в принципе?

Сделав несколько шагов по улице, выдохнув остатки затхлого воздуха кабинетов, Артемий выбросил из головы смутные страхи по поводу своей туманной судьбы.

Его интересовало другое.

Там, на пороге ванной, в глазах погибшего по неизвестной причине друга, он увидел отражение страшной и потому столь манящей к себе тайны.

Макс знал что-то. И этим «чем-то» хотел поделиться с другом – но не успел. Он что-то видел перед гибелью. Что-то или кого-то. Нечто такое, один вид которого оказался несовместим с жизнью...

Конечно, следствие еще не сделало выводов, но это не имело значения для Артемия. В его мире, который простым людям вполне резонно кажется странным, так называемые

«факты» не являются истиной в последней инстанции. Просто потому, что факты – это божество материалистов. А рядом с понятным материальным миром существуют другие миры, те, в которых куда большую силу имеют вера и безграничная человеческая фантазия.

Артемий не принадлежит целиком ни к одному из миров.

Он – посредник. Его жизнь течет на перепутье миров, и это – основа его мироощущения. А потому нельзя просто отмахнуться от целой папки вполне конкретных фактов – фотографий, схем, адресов и имен. Артемий не связан процессуальным правом и инструкциями по проведению расследований. Он не допустит, чтобы смерть друга оказалась бессмысленной. Теперь он просто обязан найти виновного. Того, кого называют Переходящим дорогу.

И, похоже, он близок к этому.

В тихом полумраке кафе, за чашкой эспрессо Артемий ждал встречи. На самом деле, ароматный фирменный кофе просто остывал на столике рядом с папкой, над которой в оцепенении замер Артемий.

Макс покинул его в самый неподходящий момент, раздражив любопытство и напугав напоследок. Но оставил то, что действительно роднило их души: плотный клубок вопросов.

Некоторое время Артемий чувствовал себя беспомощно над блеклыми копиями документов – с чугунными недо-

боторимым формулировками и нагромождением совершенно нечитаемых канцеляризов. Некоторые непросто перевести на нормальный человеческий язык. «В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий никаких противозаконных действий со стороны третьих лиц в отношении объекта наблюдения выявлено не было, из чего представляется возможным заключить... В ходе допроса свидетель не представил достаточных доказательств своей непричастности к данному преступлению, однако, исходя из имеющихся фактов, со всей очевидностью можно утверждать, что на месте преступления он оказался случайным образом, и, следовательно, на настоящий момент нет оснований для изменения его процессуального статуса и привлечения его по данному делу в качестве подозреваемого...»

Одно ясно: люди гибли, и гибли самым странным образом.

Все это обилие разрозненных фактов Макс так и не успел связать воедино. Возможно, потому, что он не знал многого из того, что было известно Артемию. С другой – его знания могли увести еще дальше от истины.

Ведь следователю из рабочего кабинета видится лишь часть проблемы. Он занимается расследованием убийств. А тот, кого называли Переходящим дорогу, вовсе не был убийцей. По крайней мере, в прямом значении этого слова.

Более того, встреча с ним не всегда сулит неизбежную гибель. Она всего лишь предвещает приход в жизнь несчастья.

Но все это лишь догадки. Тому, кому перешли дорогу, уже не до исследования природы собственных бед. Артемию же самому не очень-то хотелось разбираться в этой сомнительной проблеме. Что-то жуткое маячило в темноте этой тайны, и интуиция в панике протестовала против вторжения в эту область.

Но решение принято, и встреча назначена.

– Здравствуйте! Вы и есть Артемий? Я присяду...

За напротив Артемия уселся человек средних лет, в сером костюме при бледном галстуке, и столь же сером выражением лица.

Подошла официантка. Визитер, поморщившись, заказал кофе. С таким видом, словно попросил не эспрессо, а ударить себя по затылку.

Неприятный человек. Человек системы – из тех, кто привык видеть в собеседнике лишь определенную функцию и источник каких-либо благ. Цель любого разговора – прямая выгода, ценные связи, услуги. Такие и в сауну ходят, как на работу – обговорить что-то с нужными людьми в перерыве между коньяком и девочками.

Артемий не любил таких. Но почему-то именно подобные, в основном, давали работу и более-менее щедро оплачивали ее. Артемий для них – связующее звено с призрачным миром оккультизма и мистики. Надо думать, где-то «наверху» решили, что в сложной схватке за место в глобальной

экономике и политике нельзя пренебрегать никакими средствами. Видимо, назрела потребность в нем – специфическом специалисте, способном отфильтровывать тонны лжи и профанации от драгоценных граммов драгоценной мистической тайны.

Визитер вряд ли был непосредственным заказчиком. Вообще-то и знать не хотелось, кому понадобился Переходящий дорогу. Хотелось побыстрее избавиться от этого дела, как змее – от зудящей старой шкуры.

Гость так и не подал руки. Даже не представился. Прогноировав данное обстоятельство, Артемий терпеливо и вежливо улыбался.

– Есть новости по нашему вопросу? – поинтересовался человек.

– В общем... – протянул Артемий. – Похоже на то...

Манера говорить таким вот неопределенным, загадочным тоном была необходимой частью образа. Хотя это более характерно для доморощенных колдунов – точнее, тех, кто считает себя таковыми. Но всякое общение с клиентами должно хотя бы слегка намекать на нечто, выходящее за рамки обыденности. Налет загадочности в деловом разговоре составляет часть ритуала, не более того. Но эффективно способствует заработку.

Артемий демонстративно постукал пальцами по папке, лежащей на столике рядом с подставкой для салфеток.

– Что это? – в глазах собеседника мелькнул интерес.

– На этот раз кое-что существенное, – сказал Артемий, прищурившись. – Его фотографии...

Человек недоверчиво посмотрел на Артемия.

– Его фотографии?

Он помолчал, нервно поерзал, словно терзаемый противоречивыми мыслями. Артемий украдкой разглядывал собеседника, пытаясь понять его настроение. Принесли кофе. Человек брезгливо уставился в чашку. Принялся ложечкой снимать пенку, стряхивая ее в блюдечко.

– Фотографии... – проговорил он задумчиво. – Вы уверены, что это он?

– Более или менее... – сказал Артемий.

– Разве у него могут быть фотографии? – с какой-то тоской поинтересовался человек.

– А... А почему нет? – осторожно произнес Артемий.

– Может, это не он?..

Незнакомец с совершенно неуместной надеждой посмотрел на Артемия.

Артемий мысленно чертыхнулся. Все у его клиентов, не как у нормальных людей! Наверное, это от переизбытка денег и, как следствие – перекосов в сознании. Вот, спрашивается, какого рожна ему надо? Такое ощущение, что этот, напротив, не слишком-то горит желанием получить результаты работы...

– Давайте, я покажу вам фотографии, а вы сами сделаете выводы, – предложил Артемий, потянувшись к картонной

обложке с мятой тесемкой.

– Нет, нет! – быстро сказал человек, придерживая руку Артемия. – Вы лучше так расскажите.

– Да? – растерялся Артемий. – Ну, ладно...

Он кратко пересказал то, что слышал от покойного Переверзева. Человек рассеянно слушал и кивал, словно Артемий не выдавал свежие факты, а подтверждал нечто, давно ему, известное. Впрочем, и такого варианта нельзя исключать. Ведь именно от этих людей исходила инициатива странной охоты за Переходящим дорогу.

– Да, да, – сказал, наконец, человек. – Очень на него похоже. – Что ж, продолжайте поиски...

– Простите, а какого результата вы от меня ждете? – поинтересовался Артемий. – Вы просили подтверждения, что Он действительно существует и появлялся в нашем городе. Доказательства, какие возможно было достать, здесь, в этой папке. Чего же еще?

– Доказательства – это хорошо, – сказал человек и вынул из внутреннего кармана пиджака длинный конверт. – Здесь вознаграждение за первый этап работы...

Конверт лег поверх папки. Артемий поднял его, задумчиво повертел в руках, пощупал.

– Судя по толщине, вы не слишком-то высоко оценили этот этап, – проговорил Артемий.

– Это банковская карта на ваше имя, – пояснил человек.

– На мое имя? – удивился Артемий. – Но как...

– Это не важно, – отмахнулся человек. – Это ваш счет в очень солидном банке. Там сумма, о которой с вами договаривались по нашей просьбе.

– Спасибо, – сказал Артемий, не очень понимая, к чему клонит его собеседник.

Он ждал, что от него потребуют более четкие фотографии, возможно, даже видео. Может быть, попросят вывести на потерпевших, кому Переходящий уже успел пересечь дорогу...

Но фотографии заказчикам не интересны, с ним расплатились – можно собирать вещи и уматывать в дальние страны, приводить нервы в порядок на берегу теплого моря...

– Да, – сказал человек. – И теперь к вам будет новое поручение...

Артемий почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Не нравилось ему выражение лица того, кто сидел напротив.

– Чем же еще я могу быть вам полезен? – осторожно спросил Артемий.

– Вы должны организовать встречу, – отдельно произнес человек, внимательно изучая Артемия.

Словно желая удостовериться, что собеседник все понял.

– Как – встречу? – упавшим голосом произнес Артемий. – С кем? С Переходящим дорогу?! Как вы это себе представляете?!

– Возможно, я неправильно выразился, – чуть улыбнул-

ся человек. – Разумеется, мы не рассчитываем на личную встречу. Нам просто нужно, чтобы Переходящий дорогу пересек улицу – в нужном месте и в нужное время...

Артемий почувствовал, как все перед глазами поплыло. Он словно провалился в потусторонний, бредовый мир, куда с трудом пробивались слова:

– ...или же, в крайнем случае, вы назовете точное место и время, где он пересечет улицу. Желательно, чтобы это была проезжая часть. Вы меня хорошо понимаете?

Артемий еле заметно кивнул, глядя на собеседника дики-ми глазами. Но тот продолжал совершенно невозмутимо:

– В случае успешного выполнения этого поручения, сумма на счете увеличится в сто раз. Вы меня хорошо слышите? В сто раз. Это еще два ноля. И даже не вздумайте спрашивать «зачем»

– А если... – слабо произнес Артемий.

– А вот «если» быть не должно, – покачал головой человек. – Я даже не хочу продолжать эту тему – она слишком неприятна для этой милой обстановки...

Человек обвел зал прозрачным взглядом и снова уставился на Артемия.

– Все стало гораздо серьезнее, – проговорил он, и в голосе его снова прорезалась тоска. – Я еще не говорил, что на все про все у вас две недели?..

Артемий пребывал в подавленном настроении. Он брел

куда-то, уставившись в асфальт, и в ушах звенело от навалившейся пустоты. Временами останавливался, озирался, пытаюсь понять, где находится – и шел дальше. Нужно было хорошенько подумать. Только мысли предательски разлетались и порхали где-то вокруг, как безмозглые бабочки.

Впрочем, кое-что стало на свои места, и это «кое-что» отнюдь не добавляло оптимизма.

«В нужное время в нужном месте». Нужно быть полным кретинком, чтобы не догадаться, зачем это понадобилось тайным клиентам!

Идеальное покушение.

Такое, в котором невозможно кого-либо всерьез подозревать. Более того – покушение, которое совсем не выглядит, как покушение. Может, не будет даже гибели жертвы. Она просто быстро перестанет быть раздражающим фактором для заказчиков...

Тело покрылось холодной испариной. Даже подумать страшно – кому удумали перейти дорогу эти склонные к мистицизму хитрецы...

Некоторое время даже не думалось о другой стороне этого жуткого дела: о той задаче, которую поставили непосредственно перед ним.

Артемий задохнулся от возмущения и бессилия.

Организовать встречу с Переходящим дорогу! А почему не с самим дьяволом?! Как вы это представляете, господа хорошие?! Неужели вам не понятно, что встреча с ним воз-

можно только в одном случае – если он сам того пожелает?! И уж после этого вряд ли пригодится солидный счет в надежном банке...

Подумав о счете, Артемий остановился, нахмурился – словно вынырнул на поверхность из пучины мрачных размышлений. В пределах видимости, у стены старинного дома маняще мерцал экраном банкомат. Артемий подошел и достал из кармана смятый конверт. Разорвал, вытащил пластиковую карточку – новенькую, красивую. Тут же была и бумажка с кодом доступа.

Сунул карточку в приемную щель, ввел код. Банкомат высветил сумму.

Да, посланник с серым лицом не врал...

Посланник темных сил...

Артемий усмехнулся. Эти безликие клиенты иногда представлялись ему куда более темными силами, чем сам Переходящий дорогу. Неизвестно, каковы мотивы последнего, но заказчики, без сомнения, руководствовались самыми низменными целями.

Артемий мрачно смотрел на сумму, размышляя, не снять ли сейчас все деньги и не удрать ко всем чертям?

Но тут в отражении стеклянной панели заметил какого-то парня – спортивного, коротко стриженного – который, как показалось Артемию, пристально наблюдал за ним. Едва оглянулся – парень усталился в сторону. Наградив перед этим коротким колким взглядом.

Только теперь Артемий почувствовал, что влип. Причем влип основательно и безнадежно. С него теперь не слезут. Не оставят в покое, пока он не доведет дело до конца.

Артемий на секунду закрыл глаза, резко выдохнул...
И улыбнулся.

Трудное решение приняли за него. Что ж, это тоже неплохо. Вряд ли он сам решился бы заглянуть тьме прямо в глаза. Но теперь он сделает это.

Во всяком случае, постарается.

На этот раз Архип не стал выходить навстречу. У забора Артемий заметил серебристую спортивную машину, марку которой так и не сумел определить. Надо полагать, у шамана гости. Точнее – клиенты.

Не стоит нарушать интимный процесс шаманской работы.

Бросил сумку на деревянную лавку у крыльца, огляделся. То, что искал, оказалось на виду – будто специально приготовлено для такого случая.

Многие знают: нет лучше средства для приведения в норму тела и духа, чем самая обыкновенная колка дров. Артемий целиком разделял это мнение. А потому скинул куртку, рубашку и выдернул из колоды увесистый колун.

Подкинул на руке, крякнул – и принялся рубить в беспорядке лежащие рядом поленья. В это нехитрое занятие он вкладывал все силы, чувствуя, как через поры с потом выходят накопившиеся яды.

Это для скептика мир прост, как дважды два, разложен по полочкам и разъяснен в учебниках и расщеплен в ускорителях элементарных частиц. В мире таких, как Артемий, царит другая правда, и у человеческой жизни совсем иной смысл, чем просто набор физиологических процессов.

Артемий знал: сегодня он общался не просто с каким-то серолицым незнакомцем. Он прикоснулся к той стороне, где за оболочкой внешнего лоска царят грязь и мерзость. Пусть даже в разговоре – общаясь с выходцами из грязного мира, невозможно не выпачкаться. И сейчас стоило, как следует, потрудиться, чтобы нормальная человеческая усталость вытеснила то, что навязчиво давило и разъедало душу...

В мерный стук топора ворвался скрип двери. Забавно – у Архипа отчаянно скрипели все двери, включая калитку, словно шаман придавал этому звуку какой-то особый смысл.

Артемий выпрямился, стараясь восстановить дыхание, перехватил топорище по центру, и глянул в сторону крыльца. Было еще не слишком темно, и он мог хорошо разглядеть Архипова посетителя. Точнее – посетительницу.

Невысокая стройная девушка, с короткими волосами пепельного цвета. Симпатичная, но не слишком яркая. Одета просто, но и не сказать, что дешево.

Артемий вспомнил машину у забора. Ну, да, наверное, она неплохо смотрится за рулем...

Таких девушек он насмотрелся за свою странную карьеру посредника. Если бы богатенькие родители знали, какие ме-

ста посещают порой их избалованные дочери, они бы пришли в ужас. Но многих притягивала, манила Тайна. Особенно ее темная сторона...

Артемий вспомнил, что стоит в одних джинсах, весь взмыленный и растрепанный. И хотя ему не было стыдно за собственную фигуру, он почему-то смутился.

Девушка, похоже – тоже.

– Здравствуйте! – сказала она.

– Хм... Привет! – отозвался Артемий.

Девушка пару секунд еще рассматривала его, будто узнала и пыталась вспомнить, где могла его видеть? Потом, будто спохватившись, быстро попрощалась с Архипом и выскочила за калитку. Взревел мощный мотор, и его низкий гул растворился вдали.

Артемий некоторое время стоял, уставившись в какую-то точку на заборе, пока его не окликнул Архип:

– Ну, чего встал, как истукан? Заходи в дом! Где душ – знаешь...

Душевая кабинка в стиле хай-тек в шаманском доме выглядела чужеродным телом, словно какое-нибудь НЛО. Но это придавало ей особую ценность, как и любому из благ цивилизации в старом, почти деревенском доме. Сбив тугими горячим струями остатки долгого дня, Артемий облачился в чистое – из того немногого, что захватил из дома.

Видимо, придется начинать захламляться заново. Если выгорит тот куш – это может превратиться в дело всей жиз-

ни...

Как ни старался Артемий не думать о сегодняшней встрече в кафе, тревожные мысли норовили испортить вечер. Чтобы отвлечься, небрежно поинтересовался у хозяина:

– Что за девушка?

– Понравилась? – усмехнулся Архип. Примостившись в углу, он что-то вырезал из дерева. Какие-то шаманские штучки...

– Да ничего, вроде, – дернул плечом Артемий.

– Она еще придет, – заверил Архип. – И, думаю, не станет возражать, чтобы познакомиться.

Артемий с подозрением уставился на Архипа:

– Только не говори, что ты специально ее заманил...

– А что тут такого? – невинно произнес шаман. – С другой ты расстался, у тебя хандра, а хандру от расставания лучше всего перекрыть новой встречей...

– И меня даже не спросил, – растерянно пробормотал Артемий. – Без меня меня женили – так, вроде, говорится?

– А чего тебя спрашивать, когда ты весь – вон, как загнанный зверь? – покачал головой Архип. – Я не у тебя, я у духов спрашивал.

– И они привели сюда эту девчонку, – сказал Артемий. – Просто здорово...

– Ага, привели, – кивнул шаман. – Так тебя никто за уши не тянет. Мое дело создать возможность, твое – воспользоваться или нет...

– В любом случае, спасибо, – искренне сказал Артемий. – Может, она у меня еще и водителем поработает? Машина у нее хорошая, мощная. По-любому, спасибо. Это я называю «настоящим гостеприимством».

– Так оно и есть, – довольно оскалился шаман. – Для хорошего человека ничего не жалко. К нему и духи благосклонны. Только вот эту папку твою они не одобряют...

– Передай своим духам большое спасибо, – деликатно сказал Артемий. – Только я как-нибудь сам разберусь со своими делами...

– Ну-ну, – сказал Архип. – Ты мне только проклятье на дом не навлеки. Мне еще тут жить и работать...

– Постараюсь, – пообещал Артемий.

Не очень уверенно.

Павел долго любовался отражением в большом, в полный человеческий рост зеркале. Его завораживал собственный облик.

В новенькой ээсовской форме.

Все-таки, фирма «Hugo-Boss» в свое время постарались на славу, создав элегантно-демонический имидж для нацистов. Что самое интересное, такую вот точно форму когда-то шили заключенные концлагерей.

Павел тихо рассмеялся. Как все-таки в этой жизни все запутано и переплетено! Никогда не знаешь, кто тебе перейдет дорогу, а кому – ты сам.

Однако форму придется снять. Иначе примут за психа.

Впрочем, к чему эти комплексы? Его и так уже принимают за безумца. Так пришла пора оправдывать подозрения...

За дверью раздались крики. Павел с трудом оторвал взгляд от зеркала: в фургон-гримерку ворвался взмыленный продюсер. Его придерживал за руку Зигфрид, вопросительно поглядывал на хозяина. Павел чуть махнул ладонью, Зигфрид отпустил продюсера, оставшись, все же, у него за спиной.

– Что такое? – поинтересовался Павел.

– Вы можете, наконец, объяснить, что здесь происходит?! – брюзгливо крикнул продюсер. – Почему уже два дня

ваши головорезы не выпускают нас в город? Что это значит, черт возьми?!

Павел с интересом посмотрел на продюсера, не спеша опустился в кресло. Не спеша – потому, что кружилась голова от обезболивающих таблеток. Закинул ногу на ногу, постучал по каблуку сапога стеклом.

– А что вас не устраивает? – произнес Павел. – Теперь это не ваш, это мой фильм. И я сам буду устанавливать правила – кто и когда отсюда уедет...

– А мне плевать! – трясясь и брызгая слюной, заорал продюсер.

Одна из брызг попала на щеку Павла. В нем немедленно проснулась брезгливая злоба.

– Я вижу, что вам плевать, – отдельно сказал он. – А мне плевать на ваше мнение. Решили мочиться против ветра? Уважаю. Только мне придется вас наказать...

Продюсер изменился в лице.

– Как это? – пробормотал он. – Что значит – наказать?

– А вот так, – с улыбкой произнес Павел. – Зигфрид, проследи, чтобы этому умнику выдали форму статиста. И в барак его. К массовке.

– Что?! – бледно проговорил продюсер. В маленьких глазках появился страх.

Но Зигфрид уже выволакивал его из гримерки.

Павел снова повернулся к зеркалу. Нет, все-таки, безумно красивая форма...

Некоторое время он стоял в дверном проеме, болезненно шурясь на жгучее солнце. Мир в ощущениях снова потускнел, окрасившись в серое, и только упрямая злоба придавала силы, чтоб не забиться в какой-нибудь угол и не заорать от страха и отчаяния.

Ну, нет! Он привык оставлять последнее слово за собой, и точку в этой истории тоже поставит он, а не эта неуловимая, переходящая дорогу тварь. И если суждено тонуть в страхе и страданиях, то стоит захватить с собой приличную компанию...

Лицо его стало желтовато-бледным, черные круги под глазами намекали – с ним что-то не так. Но вычищенный костюм, который почти не портило кофейное пятно, прилизанные волосы несколько скрадывали болезненность облика.

Беззвучно шевеля губами, Павел шел по площадке. На него с испугом пялилась съемочная группа, охраняемая крепкими ребятами в черном. Пожилой режиссер с равнодушным видом сидел в сторонке на складном стуле. Второй режиссер семенил позади Павла, ожидая распоряжений. Павел остановился перед декорациями и поднял голову на зловещую надпись над воротами.

Каждому свое... Как точно подмечено!

– Значит, так, – негромко сказал Павел. – Меня не устраивают декорации.

– Какой бюджет, такие декорации, – буркнул второй ре-

жиссер, но осекся под острым взглядом Павла.

– Забудьте про бюджет, – сказал Павел. – Это все мне не нравится. Ненатурально. Я хочу, чтобы здесь был настоящий лагерь...

– Что значит – настоящий? – обмер второй режиссер.

Павел с удовольствием посмотрел в округлившиеся глаза.

И пояснил:

– Это значит, что снимать будем в условиях, приближенном к реальным. Здесь будут настоящие бараки, настоящая колючая проволока – под током. Настоящие лагерные псы, настоящие сторожевые вышки. И...

Павел провел по небу сухим языком, словно пытаюсь попробовать на вкус это жуткое слово.

...– и настоящий крематорий.

Краска схлынула с лица второго режиссера. Он выглядел подавленным и единственное, что смог произнести, было тихое:

– Зачем?

– Так надо, – спокойно ответил Павел. – Давайте сюда вашего декоратора или кто там отвечает у вас за антураж? Сделать предстоит много, а у меня мало времени.

Павел прогуливался по стройке, с мрачным удовольствием наблюдая за ее темпом. С такой отдачей не работали даже на его самых прибыльных нефтяных скважинах. Там просто не платили таких денег.

Главное, чтобы рабочие не пронюхали, что их ждет в дальнейшем. Ведь до конца всей этой затеи никто не должен знать о происходящем...

Мобильник во внутреннем кармане принялся выводить раздражающие трели. Павел достал трубку, глянул на экран и нехотя произнес:

– Да... Да, именно так. Вот и действуйте... Я? Зачем я там нужен? Разберитесь как-нибудь сами, у меня дела... Да, меня не будет... Долго не будет. Я что, перед тобой отчитываться должен? Вот именно. Все к Игорю Анатольевичу... Да, он в курсе.

Павел отключил телефон.

Это раньше его захватывали взлеты и падения собственного бизнеса. Сейчас в душе появилось странное безразличие и даже какое-то недоумение: на что ушло столько сил и времени? Зачем обреченному на муки человеку гигантская империя по выкачиванию денег?

Стиснул зубы. Империя еще пригодится. Она – гарантия его плана. Можно позволить себе подобное безумие – пока оно по карману...

В сопровождении охраны, осветителей и оператора с он прошел к бараку – там держали в запаerti массовку.

Статисты так и остались в полосатых лагерных робах. Помимо всего прочего, так их было легче контролировать. Еще лучшим средством контроля стали ежедневные выплаты – совершенно несоизмеримые с теми крохами, которые пола-

гались «актерам массовых сцен» при прежнем руководстве.

Дверь барака распахнулась. Вспыхнули софиты, и массовка отпрянула от яркого света. Включилась камера, над головами замаячил мохнатый микрофон на длинной штанге.

– Очень хорошо! – фальшивым голосом воскликнул второй режиссер. – Вы постепенно входите в образ! Такие вы и должны быть: усталые, неухоженные, небритые...

– Женщин это тоже касается? – сердито спросила какая-то девушка и двинулась на режиссера.

Павел не сразу узнал ее, осунувшуюся и растрепанную. Это была Настя. Та самая девушка, которая первой заговорила с ним в автобусе. Как, все-таки, обстановка меняет людей. Чирк – и тебя вывернуло наизнанку, как старое пальто – обшарпанной изнанкой наружу. Однако она держится. Удивительно: это даже приятно.

Настю, подавшуюся было вперед, мягко остановил Зигфрид.

– Пусти меня! – вдруг громко вскрикнула девушка, сбрасывая с плеча руку Зигфрида. – Мне надоели эти игры! Давайте, выпускайте нас!

– Немедленно выпускайте! – крикнул знакомый толстяк. – Меня работа ждет – я на три дня только отпросился!

– И вообще, я на вас в суд подам, – желчно сказала какая-то женщина. – Это просто неслыханно! Это похоже на захват заложников!

– Вам вовремя выплачивают гонорары? – негромко поин-

тересовался Павел.

Повисла пауза, словно люди пытались осознать сказанное.

– Да, да, конечно!

Откуда-то сбоку вынырнул сухонький лысоватый человек средних лет. Станным образом всем своим обликом он больше всех напоминал настоящего узника. Особенно подчеркивали образ нелепые старомодные очки.

– Мы очень довольны оплатой и ждем продолжения работы! – заявил он, преданно глядя Павлу в глаза. – Ведь правда?

Он оглянулся на других «узников», словно бы ища у них поддержки. На него уставились десятки недобрых глаз. Видимо не все разделяли подобный восторг.

– Я понимаю ваш метод, – нервно поправляя очки, зататорил сухонький. – Это замечательный метод! Мы должны почувствовать себя настоящими заключенными, верно?

– Верно! – медленно произнес Павел, с интересом разглядывая этого человека. – Я рад, что вы уловили идею. Вы назначаетесь старостой барака. Ваш гонорар будет двойным. Зигфрид, распорядись.

– Уже сделано, – отозвался Зигфрид.

– Рад, рад, что могу помочь вам! – захлебываясь от восторга, воскликнул человек. – Я ведь как думаю...

– Все, пошли отсюда, – бросил Павел, брезгливо косясь на сухонького.

Было одновременно смешно и противно. Он сам не ожи-

дал, что такой вот сухонький объявится так быстро. Ведь еще ничего, по сути, даже не началось, а вся эта мерзкая пена уже принялась подыматься к поверхности...

Покинув затхлый загон барака, Павел небрежно бросил Зигфриду.

– Да, а эту девчонку, Настю, переведи в изолятор. Я потом с ней отдельно побеседую... Да, и женщин надо бы в другой барак перевести...

– Понял, – сказал Зигфрид и вдруг неловко замялся, словно не решаясь что-то спросить.

Это немедленно заметил Павел и бросил:

– Что такое?

– Да так... – произнес Зигфрид и неловко обвел рукой стройку. – Просто я не пойму никак, зачем вам все это нужно, босс...

– Скоро поймешь, – пообещал Павел.

Он соврал. Он сам еще толком не понимал, зачем ему все это нужно...

Павел неспешно прохаживался по своему новому кабинету. Здесь все предельно строго и просто. Этого, собственно, он и добивался от строителей. Все должно быть казенно, сухо. И страшно.

Антураж. Всего лишь антураж. Декорация, фон, на котором отлично видны уродливые человеческие тени.

Выглянул в окно. Со второго этажа канцелярии отлично

просматривалась территория лагеря, очень похожего на самый настоящий лагерь смерти. От этого пейзажа его самого бросало в дрожь: слишком много ассоциаций, слишком много страшной реальности связаны с подобными «декорациями».

Но что поделаешь, если людей так впечатляют декорации? Возможно, если бы все сложилось иначе, Павел построил что-то другое. Например аквапарк или какой-нибудь Диснейленд. Только вот ему в один единственный переломный миг подвернулся этот бутафорский лагерь. Что ж, пусть будет лагерь.

Павел назвал его для себя «лагерем правды». Своей собственной правды. И он не питал иллюзий по поводу того, кто был хозяином в этом призрачном городе, словно вылезшем из ночных кошмаров. Нет, не он был здесь хозяином.

Подлинный хозяин здесь – страх.

В дверь постучали. Рустам легко втокнул в кабинет Настю. Та не выглядела испуганной. Скорее уставшей и сердитой. Она вопросительно смотрела на Павла округлившимися глазами.

– Я в коридоре подожду, – сказал Рустам, вопросительно глянув на хозяина.

Павел кивнул. Дверь закрылась, он остался наедине с девушкой.

Некоторое время молчали. Такое молчание принято на-

зывать неловким. Но сейчас Павел просто переводил дух: он слишком долго был на ногах – слишком долго для своего больного тела.

Указал ей на стул – простой, деревянный, также подобраный декораторами согласно его требованиям. Ничто не должно отвлекать от самого главного – правды.

Павел устало прошел к своему месту за столом, опустился в кресло – куда более удобное, чем этот единственный стул, на котором, напряженно сжавшись, сидела теперь Настя.

«Красивая», – подумал вдруг Павел

Внутренне вздрогнул: что-то новое проснулось в нем, еще недавно равнодушно взиравшем на эту безликую массовку. Словно болезнь приоткрыла в душе невидимые шлюзы для забытых чувств. Что в ней красивого, в этой простой, усталой девчонке, да еще и в уродливой арестантской робе? Может, все дело как раз в одежде? Может, это просто уродливое, извращенное чувство, сродни взрослым играм в «учительницу» или «медсестру» – только с акцентом на насилии и подавление воли жертвы?

Чуть поводит головой из стороны в сторону, отгоняя навязчивое.

– Ну? – напряженно произнесла Настя.

– Что? – вздрогнул Павел.

– Это вы меня спрашиваете? – насуплено сказала Настя. –

Что вам от меня нужно? Когда вы меня отпустите?

Павел поерзал в кресле, собираясь с мыслями. Взгляд

упал на картонную папку на столе. Папка пуста. Точнее, там чистый лист – такой же, как эта девушка для него. Это временное явление: нет человека, на которого нельзя составить персональное «дело».

Но это после, после... За окном каркнула ворона. Надо распорядиться, чтобы улучшили звукоизоляцию.

– Послушай, – медленно произнес он. – Я должен тебе объяснить...

Павел почувствовал, что говорит не то. Он уже столько лет не говорил «я должен»! «Я хочу», «я требую», «вы должны» – вот его каждодневный лексикон.

– Понимаешь, – с трудом продолжил Павел. – Я не хочу причинять тебе вреда...

– Так не причиняйте, – быстро сказала Настя.

Она начинала нервничать. Павел поспешил сделать успокаивающий жест.

– Пойми, – сказал он. – Это всего лишь кино... Игра.

Настя смотрела на него странным взглядом и молчала. Павел продолжил:

– Я хочу сказать тебе... Я хочу сказать тебе больше, чем остальным. Ты права: это не просто кино...

– Я ничего не говорила, – неожиданно осипшим голосом произнесла Настя.

Теперь Павел понял, что в ее лице странного. Страх. С ним происходят пугающие вещи, это трудно скрыть, и девушка заметила это. Но он спешил выговориться:

– Да, это не совсем кино... Меня не интересует то, что должны играть актеры. Мне интересны люди... Ты меня понимаешь?

Настя покачала головой, не сводя с Павла взгляда.

– Пойми, – произнес Павел, и в голосе пробилося страдание. – Вот я оказался в массовке... Ты вообще, знаешь, кто я? Нет? Ну, это не важно... Просто я – и в массовке... Тебе этого не понять. Нет, правда, не понять. Чтобы понять это, надо влезть в мою шкуру, почувствовать в руках власть над миллиардами... Нет, просто почувствовать мало – надо ощутить весь этот путь, когда ты, ничтожество, вдруг взбираешься на самый верх, туда! А-а... Любые наркотики по сравнению с этим чувством – чушь! Понимаешь?! Чушь!!! Ты – на вершине мира! И вдруг тебя берут за шкурку – и ты становишься в один ряд с никем, со статистами, с цифрами в отчетах, которые и не воспринимаются уже без шести нулей в придачу! Это-то ты понимаешь?!

Павел замолк, наткнувшись на взгляд Насти и понял, что перешел на крик и нависает теперь над столом, как скрюченная чертежная лампа.

– Вижу: не понимаешь, – дрожащим голосом проговорил он и сел. – Как можешь понять такие вещи ты, которая сама, без принуждения отправилась в эту жалкую массовку, будто тебе нужно еще какое-то подтверждение собственной ничтожности...

– А я вовсе не считаю себя ничтожеством, – тихо сказала

Настя.

В глазах ее сверкнуло упрямство.

– Вот! Вот! – оживился Павел. – Я сразу заметил, что ты не такая, как они, ты другая! Ты не можешь быть в массовке...

– Чего вы хотите? – снова повторила Настя.

– Я хочу, чтобы ты поняла меня! – произнес Павел, и в голосе его слышалось отчаяние.

– А я совсем не хочу вас понимать, – сказала Настя. – Я хочу, чтобы вы отпустили меня. Меня уже скоро в розыск объявят...

Павел замер, уставившись в стену.

– В розыск... – проговорил он. – Ну, да, конечно. Нет, не успеют...

– Что не успеют?! – крикнула Настя.

– Ты главное, не беспокойся, – виновато произнес Павел. – Тебе я ничего не сделаю...

– Отпустите меня, – тихонько заскулила Настя.

Разговор, определенно, не складывался. Павел ощутил, как на него свалилась невероятная усталость. Нажал кнопку, спрятанную под столешницей.

Появился Рустам. Подхватил девушку под руки и буквально уволок ее. Настя не сопротивлялась, но двигалась вяло и тихо всхлипывала.

Павел чувствовал себя ужасно. Было одновременно и больно, и горько, и как-то невыносимо стыдно. Стыд был самым жгучим и болезненным чувством.

Зарычал – и принялся изо всех сил бить себя по щекам, стараясь привести себя в чувство. И когда в двери показался Зигфрид, он снова был в форме: холодный, расчетливый, злой.

– Что с базой данных?

– Везут спеца, босс. Скоро будет.

– Ладно, иди.

Зигфрид потоптался в дверях, вышел. Павел угрюмо посмотрел вслед.

Не нужно этой сентиментальности. Слишком мало времени. Верно заметила девчушка: скоро может начаться розыск. Точнее, он обязательно начнется. Надо только сделать так, чтобы розыск ни к чему не привел. Пока все не закончится.

Спец одним своим видом вызывал у Павла раздражение. Прыщавое, опухшее, плохо выбритое лицо, длинные грязные волосы, серьга в ухе. Даже две серьги! Какие-то неопрятные обрывки, намотанные на руки с грязными ногтями. Одежда – как с той проклятой свалки. И запахок немытого тела. Словно парень не получает совершенно немислимую в своей сфере зарплату. Как там его зовут? Коля... Вроде, Коля...

За годы работы Павел, все же, усвоил: такой облик – всеобщая особенность специалистов в области IT-технологий. Словно все они – члены одной секты, вроде йогов, давших обет пренебрежения ко всему мирскому и суетному. Более

того, чем лучше выглядел такого рода специалист, тем с большим подозрением к нему следовало относиться.

Хотя Павлу редко приходилось сталкиваться с компьютерщиками лично.

Но теперь каждый лишний посредник увеличивал опасность того, что замысел раскроют. И без того Павел чувствовал, как параноидальная подозрительность начинает раздувать его изнутри, сжирая остатки сил и здоровья. А потому Павел торопил спеца, нетерпеливо барабаня пальцами по столу.

– Ну! – с трудом сдерживаясь, приговаривал он. – Что там у тебя?

– Подождите, – спокойно, не обращая внимания на субординацию, отвечал Коля, теребя языком блестящий «гвоздик» проткнувший нижнюю губу. – Сейчас komponуются данные на Каминского...

– Давай, давай... – поторапливал Павел.

Знал бы этот подлец Каминский, что ему выпадет честь одним из первых посетить лагерь правды...

Павел улыбался своим фантазиям. Кто он теперь? Жертва странного существа, возомнившего себя выше жизни и смерти, сделавшего из него – сильного и властного человека – подышающее ничтожество?

Нет, нет и нет. Он сам выберет свой последний путь. И покажет Переходящему, что значит быть настоящим мерзавцем.

Он будет играть по его правилам.

6

Сидя на шкурах в шамановом доме, Артемий с интересом прислушивался к ощущениям. Это совершенно новое чувство: будто ни на минуту не можешь остаться наедине с самим собой. Всегда в спину смотрят чьи-то внимательные, не очень-то добрые глаза. Такое, наверное, знакомо каким-нибудь заключенным в битком набитой камере, где ни на минуту не остаться в одиночестве.

Дело даже не в слежке (тем более, что та могла оказаться всего лишь плодом воображения). В конце-концов, мало ли кто и за кем следит в стране, не так давно избавившейся от тотального контроля за всеми и каждым?

Все дело в этой папке. Она создавала вокруг себя специфическую, не очень приятную атмосферу. С какого-то момента стало казаться, что папка – не просто набор документов, стиснутых картоном и тесемкой. Это обиталище злых монстров, следящих из-под обтрепанной обложки и выжидающих момента, чтобы броситься со спины...

Эта история затягивала все глубже, словно трясины, которая, схватив жертву, уже не намерена ее отпускать до самого конца. Артемия разрывали страх и любопытство – два вечных спутника охотника за мрачными тайнами. Как в американских «ужастиках»: если в жутком в подвале рычит чудовище – надо обязательно спуститься, чтобы посмотреть, за-

кричать и быть сожранным.

Артемий погладил папку по шершавой коричневой щеке. Папка казалась пастью, схватившей и не желающей выпустить тайну из цепких картонных зубов... Артемий прерывисто вздохнул и развязал тесемку. Клапана разошлись скрюченными пальцами, оставив на ладони беспорядочный ворох бумаг. Это только на первый взгляд казалось, что беспорядочный: Артемий потихоньку разбирался в логике, с которой Макс систематизировал разношерстные листки. Хотя Артемию и чужд такой канцелярский стиль, ему тоже приходилось иметь дело с архивами.

...Чего только не найдешь в старых бумагах, в пыльных углах книгохранилища! Если бы люди знали, какие сокровища хранятся на ветхих страницах... Впрочем, давно известно: чтобы отыскать что-то действительно стоящее, надо хорошо представлять, что именно ты ищешь. А люди редко представляют себе четко предмет поиска, предпочитая двигаться наугад, выставив перед собой руки, как слепцы. Так что унылые архивы еще долго будут хранить такие тайны, по сравнению с которыми клады и затонувшие каравеллы с золотом – всего лишь развлечение для недалеких туристов.

Самое удивительное в знакомстве с запасниками библиотек и архивов – это когда в руки попадает старинная книга с так и неразрезанными страницами. Сейчас мало кто помнит: некогда обладателю книжной новинки требовалось собственноручно, специальным ножом вспарывать перегибы

страниц новенького, недавно переплетенного тома. Но что такое впервые разрезать страницы книги, которая дожидалась этого часа более сотни лет! Кто знает, какие силы оставляли все эти годы тех, через чьи руки прошла книга, пережившая не одно поколение своих хранителей?..

– Ну, что, не идут поиски? – словно издалека донесся знакомый голос.

Артемий поднял голову. Над ним, насмешливо оскалившись, стоял Архип с потухшей трубкой в зубах.

– Не выходит каменный цветок... – пробормотал Артемий. – Туго идут... Не знаю с чего начать...

– Значит, еще не поздно остановиться, – сказал шаман.

– Может, ты и прав, – кивнул Артемий. – Пойду, подышу свежим воздухом...

Он вышел за калитку, под тусклый свет далекого фонаря, нашарил в кармане сигареты. Курить он бросил давным-давно, да и до этого не столько курил, сколько баловался: когда у тебя есть настоящее, захватывающее хобби, приносящее к тому же основной заработок, нет смысла становиться рабом дурацкой привычки. Впрочем, кому как...

Поймал себя на том, что тупо замер с незажженной сигаретой во рту. В полумраке маячило что-то необычное. Присмотрелся и понял: он смотрел на затянутого в черное мотоциклиста, на столь же черном спортбайке более, чем футуристического вида. Ослепительно вспыхнула пара небольших узкоглазых фар. Мотоциклист повел каплевидным шле-

мом и вдруг дернул ручку газа. Машина душераздирающе завизжала и унеслась прочь, оставив после себя лишь пыль да маслянистую вонь.

«Какие здесь к черту мотоциклы?» – подумалось Артемию.

Ответ напрашивался сам собой: столь продвинутые ребята в этом глухом районе могут оказаться лишь по его душу. Слежка? Больше похоже на напоминание. Такое ненавязчивое психологическое давление. Что ж, по крайней мере, эти ребята выдавили из него желание курить.

Отбросил сигарету, вернулся в дом.

Не тратя времени на бесполезные сомнения, принялся систематизировать содержимое папки и намечать план действий.

Следующий день начался вполне бодро. Захватывающее дело – лучшее спасение от навязчивых мыслей. Настроение не удалось испортить даже Ларисе, которая позвонила ни свет, ни заря, и излила в трубку изрядную дозу яда. Артемий даже хмуриться не стал – лишь добродушно посмеивался в ответ и подбадривал теперь уже бывшую подругу. Трубка захлебнулась яростью и отключилась.

«Вот вам пример иррационального в человеческой повседневности, – рассеянно думал Артемий, бреясь в «инопланетной» душевой кабинке. – Почему некоторых людей всю жизнь неизменно окружают недоброжелатели, повинные в

том, что сломали их жизнь, перешли дорогу, испортили раз и навсегда настроение? То ли виновата психология, то ли тут действительно дело в родовом проклятье?»

С вялым сожалением подумал о том, что надо было все-таки сводить Ларису к одной знакомой ведунье. Но во-первых, такой визит стоил бы ему страшного скандала (ведунья была сногшибательной красоты), а во-вторых, он всегда считал, что в человеческие отношения лучше не вмешивать силы, природа которых, как ни крути, до сих пор никому не известна.

Что случилось, то случилось. И, наверное, к лучшему...

Артемий специально не стал брать такси: у него появился какой-то ернический, почти спортивный интерес – получится ли засечь слежку? Если да – удастся ли оторваться? Наверное, со стороны он выглядел полнейшим идиотом, вздувавшимся поиграть в Джеймса Бонда. Некоторое время топтался у входа в метро, пока вдруг не бросился к турникету, надеясь уловить перемены в поведении кого-нибудь из озабоченных, снующих туда-сюда горожан. Спускаясь по эскалатору, то и дело оглядывался, пока действительно не заметил на себе подозрительный взгляд какого-то человека азиатской внешности. Надо полагать, тот тоже был не в ладах со своим внутренним миром, потому что поспешил сорваться с места, опасливо обогнул Артемия и умчался вниз по эскалатору.

Артемий тихо фыркнул, покачал головой. После чего успокоился и принялся рассматривать настенную рекламу...

...Охранное агентство «Вереск» действительно находилось по адресу, найденному в приложении к Переверзевскому «делу». Артемий прошелся по улочке, любуясь стоящими на спецстоянке машинами. Судя по ним, работы у агентства хватало.

Теперь стоило запастись терпением. Если нужные люди по-прежнему работают здесь, то самым последним делом было бы соваться внутрь и добиваться встречи через сотрудников, отвечающих за работу с клиентами. Наверняка здесь существует какая-то система внутренней безопасности, а на потенциального клиента Артемий никак не тянул.

Тихонько насвистывая, огляделся, довольно крякнул: как раз напротив входа – небольшое кафе. Перешел пустынную улицу, толкнул дверь. Та отозвалась веселым звоном колокольчика. Всмотрел место у окна, уселся, не сводя глаз с «объекта». Дверь охранного агентства частично закрыл капот темного «ягуара», но лица входящих и выходящих вполне различимы.

Заказал кофе, раскрыл папку. Выложил перед собой копии фотографий. Вот двое молодых людей характерной наружности. Ксерокопии невысокого качества, однако Артемий надеялся, что узнает кого-то из этих двоих. Оба в свое время вели наблюдение за жертвами известных обстоятельств, и Артемий надеялся, что они могут помочь выйти

на след Переходящего.

Ведь именно их руками сделаны некоторые из этих снимков.

Вот он, странный человек в плаще... Взглянув на расплывчатые изображения, Артемий вздрогнул от неожиданной мысли.

А кому, собственно, этот человек перешел дорогу в момент съемки? Нет, серьезно – с точки зрения следователя Переверзева, конечно же, будущему трупу, то есть, жертве, которую этим ребятам надлежало охранять. Но ведь, если посмотреть с противоположной стороны – он точно так же пересек дорогу снимавшим его сотрудникам «Вереска»! Конечно, похоже на бред, однако, кто его знает?..

Ведь этот странный человек – вовсе не убийца в прямом смысле слова. скорее, что-то вроде руки судьбы, воплощения рока, неизбежности и неотвратимости чего-то. Ну, а чего именно – у всех, очевидно, по-разному...

Краем глаза Артемий поглядывал на дверь «Вереска». Там не происходило ничего интересного. Не исключено, что путь выжидания и наблюдения вообще окажется тупиковым. Но надо с чего-то начинать...

Над фотографиями сотрудников агентства Артемий задумался. Он не считал себя психологом, однако в таких лицах видел какую-то особую печать. Печать силы. Иногда даже завидовал таким людям – хмурым, бескомпромиссным, убежденным в собственной правоте и безнаказанности. На-

верное, им куда легче жить на белом свете – ведь они искренне уверены, что мир подчиняется их воле, а движение к совершенству заключается исключительно в карьерном росте. Хотя, может, это очередной стереотип, и не все так просто, как кажется с первого взгляда.

– Извините, я могу присесть? – послышался низкий, хрипловатый голос.

Артемий рассеянно поднял взгляд.

Что-то случилось. Вроде бы даже закружилась голова – так бывает, когда неожиданно теряешь связь с реальностью. Вот он сидел, разглядывая похужее на фантазии фоторобота лицо, а теперь это самое лицо смотрит на него с другой стороны столика.

Пожалуй, стоило бы удивиться. Но он, скорее, испугался.

– Что с вами? – поинтересовался человек с фотографии.

– Вы... Вы Сергей? – севшим голосом спросил Артемий.

Человек с интересом осмотрел его и, криво улыбнувшись, кивнул.

– Именно, – медленно сказал Сергей. – Все-таки, он был прав. Вы действительно не так глупы, как кажетесь.

Артемий ощутил обиду, и это неуместное в данной ситуации чувство, вернуло его к реальности.

– Я кажусь глупым? – проговорил он. – Кому это, интересно?

– Я совсем не то хотел сказать, – уклончиво ответил Сергей. – Да это и не имеет отношения к делу, в конце-концов.

Я не думал, что найду вас так быстро, да еще и прямо у себя под носом...

Дело поворачивалось неожиданной стороной. Было очень непросто сохранять ускользающее ощущение реальности. Выходит, тот, за кем охотился он, в то же самое время, выслеживал его самого?! И как это понимать? Следуя поговорке «на ловца и зверь бежит» или же как сигнал опасности?

– А зачем я вам нужен? – осторожно поинтересовался Артемий, тайком убирая со стола черно-белые портреты. – И кто этот «он»?

Похоже, этот странный Сергей, не заметил собственного фото на столе. Иначе, в свете новых обстоятельств, могли иметь место неприятные вопросы.

– Кстати, что вы делаете возле нашего офиса? – спросил Сергей, но сам же и оборвал себя. – Впрочем, это тоже не важно...

Артемий как-то дико хохотнул. Такой неожиданный, истерический смешок получился.

– Да, – кивнул Сергей. – Забавно. Мне говорили, что вы «пасете» меня. Это я понимаю – сам работаю в этом бизнесе. Поэтому лично к вам у меня особых претензий нет. Меня интересует только одно: кто вас нанял, чтобы следить за мной?

Этот вопрос был очередным поводом для «ступора». Но Артемий уже взял себя в руки. Надо попытаться прояснить ситуацию. И, чтобы не усугублять взаимное непонимание, он

решил говорить в открытую.

– Никто меня не нанимал, – мягко сказал Артемий. – Я сам искал вас по одному важному делу...

Что-то изменилось в лице Сергея. Черты дрогнули, обострились, в глазах мелькнула плохо скрываемая злоба.

– Ты мне это фуфло не гони! – негромко, но жестко произнес Сергей. – Дело у него...

– Я правду говорю! – воскликнул Артемий.

В их сторону повернулись головы сидящих за соседними столиками. Сергей наградил их холодным взглядом, и соседи поспешили отвернуться.

– Я хотел поговорить с вами по поводу погибшего... Как его....

Артемий приоткрыл паку и быстро зашуршал листками.

– Вот он! Марков Федор Андреевич, вы занимались его безопасностью...

– Так вот оно что, – проговорил Сергей, сверля Артемия взглядом. – Я так и думал... Это его люди тебя прислали?

– Да какого черта! – Артемий почувствовал, что сам начинает злиться от нелепости происходящего. – Он же погиб!

– Ну, да, – усмехнулся Сергей. – Погиб. Небось, твои же наниматели его и кокнули. А теперь решили еще и меня подчистить...

– Зачем? – удивился Артемий, очевидно столь явно, что Сергей счел возможным пояснить:

– Затем, что ни я, ни мой напарник не верили, что смерть

эта случайна. Впрочем... Похоже, ты, действительно, всего лишь исполнитель. Ладно, я поясню – тебе самому на будущее...

Сергей помрачнел и уставился в стакан с водой. Машинально взял стакан, отпил небольшой глоток и сказал задумчиво.

– Думаю, это очень серьезные мастера, оч-чень... Клиент всю дорогу визжал, как резанный: «убьют, убьют!»

– Это Марков, что ли? – осторожно спросил Артемий.

– Марков, Марков. Очень убедительно трещал, боялся каждого шороха, нес околесицу... А умер совершенно бездарно, как в том кино: «Шел, упал, очнулся – гипс». Только в нашем случае не очнулся. Так дрожать за свою жизнь – и тупо раскрыть себе башку на одной-единственной замершей луже в округе! Я еще тогда подумал: если это убийство – то гениальное: вообще придраться не к чему! Вот как это возможно?! И все это – у нас на глазах!

Сергей раздувал ноздри и непроизвольно сгребал в кулак скатерть.

– А, может, все-таки, случайность? – тихо сказал Артемий.

– Я так тоже вначале подумал, – усмехнулся Сергей. – Случайность... Для таких людей, как этот Марков, случайностей не бывает. А уж я в людях разбираюсь, поверь. Тогда я, конечно, еще сомневался. Но когда началось...

Он замолчал, уставившись в окно. Артемий проследил его

взгляд и ничего не увидел.

– Что началось? – просил он.

– Показалось... – пробормотал Сергей. – Что? Ну, да, началось. Сначала убили напарника...

– Убили?! – Артемий чуть не подскочил на месте.

– Я думаю, что убили, – с расстановкой сказал Сергей. – Игорек – это тебе не Марков, на замерзшей луже за здорово живешь подыхать не станет... Скажи, ты много знаешь людей, которых убило током?

– Ну... Одного знаю... Знал, то есть...

– А такого, что бы его током убило в троллейбусе, от поручня, за который еще человек пять держалось? Все живы, а он...

– Да, ладно! А такое возможно?

– А если я тебе скажу, что Игорек уже десять лет ни в каких троллейбусах не ездил, даже забыл, что это вообще такое? Вот чего он туда полез, скажи, пожалуйста?! Почему такси не взял, если на своей тачке не вариант было ехать?

Теперь в его голосе слышалась беспомощность. Да, такие повороты – не для прямолинейного, как калькулятор, рассудка работника охранного агентства.

– Что-то сложновато для простого убийства, – заметил Артемий, чувствуя, что клиент сам подгоняет себя к разговору по душам. – Игорек... Это случайно не он?

Артемий легонько подтолкнул в сторону Сергея вторую фотокопию.

– Откуда?.. Ах, да... – пробормотал Сергей. – Да, это Игорь... Я и не считаю, что это простое убийство. Это, именно – очень крутое убийство. И я не хочу сдохнуть ни с того, ни с сего, меня сгоревшую лампочку, или подавившись зубной щеткой. Видишь, я от тебя ничего не скрываю. Теперь твоя очередь: кто тебя прислал и зачем?

– погоди, – сказал Артемий, незаметно переходя «на ты». – Ты еще не сказал, откуда знаешь меня?

Сергей замер, растерянно глядя на проходящую мимо официантку, словно пытаясь что-то вспомнить. На лице его появилось недоумение.

– Откуда я знаю... Спросил, тоже мне...

– Ты говорил «он» тебя навел. Кто он? Ведь ты узнал меня! – настойчиво произнес Артемий, чувствуя, как откуда-то подул знакомый ледяной ветерок тайны.

Сергей застыл, уставившись на Артемия округлившимися глазами. Лицо его залила краска. Это выглядело, мягко говоря, странновато.

– Ну, ты видел мою фотографию? – подталкивал Сергея Артемий. – Кто ее тебе показал?

– Никто мне ничего не показывал... – быстро проговорил Сергей. – Вот, черт...

Он судорожно вытер со лба проступивший пот. Происходившее давно уже перестало казаться Артемию забавным. Он начал подозревать, что его собеседник не в себе. А ведь под обширным пиджаком у него наверняка припрятан заря-

женный ствол...

– Не хочешь – не говори, – сказал Артемий, отклоняясь назад, словно опасаясь какой-нибудь выходки собеседника.

– Во сне! Во сне я тебя видел! – выдохнул Сергей, резко, словно заставив себя усилием воли. – Чего уставился? Да, да! Во сне! Я только сейчас понял, когда попытался вспомнить... Черт, черт... И этот тип мне приснился... А, может, это меня наркотой накачали? А? Те, что Маркова и Игорька... Может, я только думаю, что это был сон? А может...

Сергей судорожно схватил со стола фотографии и впился в них взглядом, словно те могли дать ответ на все неразрешимые вопросы...

– Успокойся, – проговорил Артемий, косясь на официантку, которая неодобрительно поглядывала в их сторону. – Бывает. Потом вспомнишь. Скажи-ка лучше...

Артемий положил перед Сергеем еще одно фото.

– Ты помнишь этот снимок?

– Н-нет...

– Это с вашей видеокамеры. Наружное наблюдение...

– А, вот оно что... Что-то такое... Да, мы снимали здесь...

– А этого человека ты знаешь?

Сергей, прищурившись, уставился в снимок.

– Нет, – он покачал головой. – Хотя, кто его разберет – качество низкое... Так, значит, ты из следственного управления? Пленки мы только им отдавали...

– Можно сказать и так, – уклончиво сказал Артемий. – Из

хм... управления...

– Фамилия твоего шефа? – быстро спросил Сергей

– Переверзев, – не моргнув глазом, ответил Артемий.

Сергей молча кивнул, а Артемий продолжил:

– Я искал тебя, чтобы поговорить. Вообще-то, я и с твоим напарником хотел пообщаться... Насчет вот этого человека...

– А он-то тут при чем? – недоуменно спросил Сергей, снова беря в руки снимок. – Думаешь, это он...

– Не исключаю, – устало сказал Артемий.

Задумчиво посмотрел в окно. Показалось, что где-то на краю зрения мелькнул вышедший из моды серый плащ. Конечно же, показалось...

– Знаешь что, – сказал Артемий. – Давай на прямую: раз такое стряслось с твоим напарником, то может произойти и с тобой. Я не знаю, что вообще творится, но наша странная встреча, и этот твой сон...

– Я не верю в вещи сны...

– А я верю. Но не суть. Просто будь внимательнее. Возьми мой номер. Если встретишь этого вот человека или случится что-то странное...

– Что значит – странное?

– Странное – значит, вообще странное. Ты ведь сможешь понять, что вокруг происходит что-то не то?

– Смогу... Вот, бред...

– Позвони мне тогда, пожалуйста, – Артемий протянул

визитку. Ту, что заставляла вздрагивать суеверных клиентов: круглую, черную, с одним-единственным золотым номером.

Своеобразная «черная метка».

Сергей повертел в руках визитку и молча спрятал в карман пиджака.

– А эта пленка, видео, которое вы снимали, еще существует? – спросил Артемий. – Я бы хотел посмотреть копию...

– У вас же есть.

– Лично у меня нет.

Сергей посмотрел на Артемия долгим взглядом и сказал:

– Я не могу понять, что за игру ты ведешь...

– Я сам до конца не понимаю, – признался Артемий.

Он почти не лгал.

– Ладно, – тяжело произнес Сергей. – Переверзеву привет.

– Он умер, – сказал Артемий.

– Что? – вскинул брови Сергей. – Вот, значит, как...

Он встал легко, тихо, словно не был таким грузным на вид, и исчез столь же быстро, как и появился. Артемию оставалось лишь переваривать странный разговор, который ничуть не приблизил к цели, оставив лишь новые вопросы.

В принципе можно считать – день не прошел зря. Трудно было рассчитывать, что так быстро, сам собой отыщется этот Сергей – один из немногих, видевших Переходящего.

При этом не оставляло ощущение какого-то фарса, искус-

ственности происходящего. Слишком уж неожиданно и легко прошла встреча. Что совершенно не радовало. Ведь известно – за подобной легкостью частенько кроются ловушки...

К тому же не исключены провокации со стороны таинственных заказчиков. Что, если это – всего лишь проверка его лояльности? Странная, изощренная – но просто проверка? Тогда он изначально пойдет по ложному пути.

А время, отпущенное на поиски Переходящего, неумолимо иссякает...

Срочно требовался совет. И не было сомнений, у кого просить помощи.

На этот раз он не стал играть в шпиона и, выйдя из переулка, сразу поймал машину – какую-то кособокую «семерку». Быстро сговорившись о цене, залез в машину. И тут почувствовал неладное.

Что-то не то с водителем.

Некоторое время смотрел на нервного «бомбилу», cedящего себе под нос проклятья в адрес обложивших его «козлов и «баранов», пока не понял, что же так смущало.

Водитель был нелепом сером плаще, дико неудобном, мешавшем крутить «баранку» и жать на педали. И лицо – размыто знакомое, словно отпечатанное на плохом принтере.

В голове замелькали нелепые мысли, тщетно пытаюсь сложиться в более-менее понятную картину. И снова пришлось взять себя в руки.

Да, таксисты в серых плащах встречаются не так часто, как в тренировочных костюмах и кожанках, однако же, бывают. Да и станет ли Он так пошло подлавливать Артемия? Кто знает...

– Почему в плаще? – тупо спросил Артемий.

Таксист глянул диким взглядом и разразился нечленораздельными ругательствами в адрес подрезавшей его «той-оты», прижавшегося «камаза» и всех сволочей, купивших права в подземном переходе у Казанского вокзала. На этом разговор закончился.

Совершенно потерянный, Артемий вылез на перекрестке, прошел в высокую арку, в тихий старый дворик, какие еще встречаются в центре кипящего мегаполиса. Добротный дом сталинской архитектуры – последнее прибежище вымирающего вида интеллектуалов ушедшей эпохи. Старухи на лавочках, запущенная детская площадка. Подъезд с неизменным кодовым замком, затхлая лестница и облупившиеся стены, пахнущие, почему-то, свежей краской...

Старик открыл сам.

– Артемий? – произнес он без особого удивления. – Заходи, заходи дорогой. Что стряслось? На тебе лица нет.

– Да уж, – криво улыбнулся Артемий. – Профессиональная деформация, я полагаю. Скоро меня привезут к вам в клинику, со связанными руками и пеной изо рта...

Старик – это не характеристика возраста, так за глаза звали Игната Николаевича, довольно известного психиатра. Од-

нако Артемию была интересна другая, хотя и смежная, сторона обширных интересов хозяина.

Он был убежденным мистиком, теоретиком оккультизма, за что пользовался большим авторитетом в сумрачном мире, не признаваемом официальной наукой. Не многие последователи спорных мистических учений могли похвастаться реальными научными степенями. Игнат Николаевич мог. Сам же он предпочитал скрывать от коллег свое «хобби»: при его работе нетрудно было самому заполучить неприятный диагноз, а Старик предпочитал слыть вполне уважаемым специалистом. Его принадлежность к миру серьезной науки отпугивала шарлатанов и самозванцев, как святая вода чертей. Сам он с первого взгляда вычислял ложь, и его «диагноз» был сродни приговору карьере какого-нибудь незадачливого прорицателя.

Пожалуй, он и стал в свое время первым посредником. Эдаким сводником оккультного мира с миром больших денег. Артемий считал Старика своим наставником. И пользовался его услугами в качестве эксперта, когда не мог самостоятельно отделить зерна от плевел, или, как стало модно выражаться, «мух от котлет».

Теперь же в качестве предмета исследования Артемий привел Старика самого себя.

Игнат Николаевич препроводил Артемию в гостиную, а сам отправился на кухню заваривать чай. Старик полагал себя большим специалистом по этому напитку, считая его чуть

ли не панацеей от всех болезней, включая нервные. Артемий был другого мнения, однако же, предпочитал со Стариком не спорить.

Посреди большой комнаты стоял овальный стол, окруженный старинными стульями. Артемий присел на один из них, положил на стол папку. Та стала оседать под собственной тяжестью, точно мерзкое животное, затаившееся до лучших времен. Артемий смотрел на папку исподлобья. Он начинал ее ненавидеть – как только можно ненавидеть ворох дохлых бумаг.

Прикусив губу, задумался. Чтобы получить ответ на свои вопросы, Старик следовало рассказать все. Но имеет ли он право втягивать в свои проблемы ни о чем не подозревающего человека? С другой стороны, Старик наверняка многое бы отдал, чтобы прикоснуться к подобной загадке. В конце-концов, за этим Артемий сюда и пришел...

– ...А вот этот чай мне только-только передал мой ученик из Китая. Ты знаешь, Арт, что в Китае чаем лечат целый ворох болезней?

Игнат Николаевич ловко и с удовольствием расставлял на столе сложную систему из маленьких циновок, чайничков и чашечек.

– Что-то такое слышал, – вежливо сказал Артемий. – Только в «Науке и жизни» прочел недавно, что ссылки на лекарство от всех болезней – это признак лженауки.

Старик негромко рассмеялся:

– Ну, да. А стремление уличить в кого-то лженаучности является признаком отсутствия собственных научных идей. Это мы уже проходили. Это, братец, старо, как мир. Но многие выдающиеся ученые в конце-концов приходили к одному и тому же: научный метод познания не является исчерпывающим. Собственно, на этой почве мы с тобой когда-то и сошлись. А ты пей панацею... То есть, чай.

Артемий отхлебнул чая из изящной чашечки. Чай действительно был хорош. Совсем другие ощущения, чем после многих и многих литров кофе... Куда более мягкие, умиротворяющие...

– Какие новости на лженаучном фронте? – иронично поинтересовался Старик. – Нашел свою Чашу бытия?

– Даже не надеюсь, – признался Артемий. – Нужны деньги на поездки, исследования документов, а может, и на раскопки...

– Ну, да, – серьезно покивал Старик. – Это мне знакомо. Можно всю жизнь искать, и только в самом конце понять, что именно из всех твоих поисков имело хоть какой-то смысл. И имело ли вообще... Впрочем, чего это я? Ведь ты пришел ко мне по делу!

– Да не то, что бы по делу, – замялся Артемий. – Просто хотел посоветоваться. Даже не знаю с чего начать.

– Не имеет значения, – легко сказал Старик. – Ты главное, начни...

И Артемий заговорил. Рассказал все – за исключением

странного заказа на поиски Переходящего с требованием устроить с ним встречу. Артемию казалось, что он обрушил на Старика горы разрозненной, несвязной информации, в которой и самому-то непросто разобраться. Но Старик слушал спокойно, вдумчиво, изредка кивая, словно Артемий говорил давно известные истины. Он попивал свой чудесный чай и не прерывал Артемию ни замечаниями, ни вопросами, пока тот сам не замолчал в ожидании реакции.

– Ну, что же... – спокойно сказал Старик. – Интересная история. И, что самое главное – очень логичная.

Артемий недоуменно уставился на Старика и спросил:

– Что же тут логичного? Лично я ничего понять не могу.

– Я тоже, – кивнул Старик. – Что вокруг тебя происходит и зачем – не мне судить. Но логика происходящего более или менее ясна. Я рассказывал тебе про «коридор событий»?

– Ну... Что-то такое помню... – проговорил Артемий и жадно допил остатки чая. После длинной тирады пересохло в горле.

– Коридор событий – интересная штука, – задумчиво сказал Старик. – Представь... Ты, наверное, сталкивался в жизни со странным ощущением эдакой «зеленой волны». Когда, скажем, троллейбус нужного маршрута подходит сразу, стоило только дойти до остановки, а потом на его пути светофор горит одним лишь зеленым светом – и ты несешься, как на крыльях, словно на улицах отменили «пробки»?

– Ну... – неопределенно протянул Артемий.

– Затем на работе тебя ждут приятные новости, премия, обещание повышения в должности. А вечером, прямо, как в кино – неожиданная встреча, скоростижно перерастающая в страстный роман. В такой день кажется, что происходит удивительное, невозможное – и весь мир принадлежит тебе...

– Я, кажется, понимаю, о чем вы говорите... – кивнул Артемий.

– Конечно, – улыбнулся Старик. – Ведь это тот самый момент чуда, который наукой никак не объясняется. Некоторые называют это «белой полосой» в жизни или «полосой везения». И эти некоторые не далеки от истины. Именно так, неожиданно для самого себя, человек вдруг вступает в гармонию с окружающим миром, резонирует с ним. И на какое-то время обретает счастье...

– Да, да! – улыбнулся Артемий, вспоминая кое-что из собственной жизни.

– Но по какому-то непознанному закону мироздания светлая полоса не может длиться бесконечно. По крайней мере так принято считать. Ты знаешь, я много думал над этим – особенно в связи с основной работой. Ведь не вполне понятно, почему совершенно одинаковая внешне жизнь у одних вызывает сплошь позитивные эмоции, а у других – тяжелую депрессию...

Старик задумчиво повертел в руках пустую чашку и продолжил:

– Метания со «светлой» полосы в «темную» и обратно люди обычно объясняют просто: они чередуются. Белая-черная, белая-черная. Но почему длина этих полос у всех разная, а?

Артемий пожал плечами:

– Ну... Вопросы вы задаете, однако. Кто его знает, почему?

– Да потому, что люди по собственной жизни идут вслепую! А что бывает, когда не видишь направления? Правильно – ходишь кругами! Вот и получается эта постоянная переполосица...

– И что же вы предлагаете? – осторожно спросил Артемий.

– Отыскать другой путь, – немедленно ответил Старик. – Зачем идти поперек, когда можно – вдоль? Вдоль одной, раз и навсегда выбранной светлой полосы?

Артемий замер с открытым ртом. Идея впечатляла.

– Только вот как найти этот путь – вдоль светлой полосы? – спросил он.

– Вот! – воскликнул Старик. – В том-то все и дело! Надо найти правильный коридор событий. Точнее – почувствовать его. Когда все идет, как по нотам, когда все удается, когда душа поет – это знак того, что ты на правильном пути...

– Но как не выскочить из этого коридора? – пожал плечами Артемий. – Сегодня душа поет, завтра – хоть плачь.

Старик вздохнул, развел руками:

– Вот это и есть главный вопрос человеческого счастья...

Впрочем...

Он нахмурился, словно вспоминая что-то и всплеснул руками:

– Ах, да. К чему я все это говорю? К тому, что коридоры событий бывают разные – как светлые, так и темные. И теми, и другими можно управлять. А бывает и так, что они тебя засасывают – и берут управление жизнью в свои руки. Похоже, у тебя как раз второй случай.

– То есть – темная полоса? – спокойно уточнил Артемий.

Старик кивнул:

– Это не удивительно: ведь ты настойчиво ищешь встречи со своим...

– Переходящим...

– ...дорогу. Вот-вот. Я не знаю, кто это или что это такое – но он несомненно может как-то влиять на причинно-следственные связи. Ты понимаешь, о чем я?

– Примерно, – осторожно сказал Артемий.

– А раз так, – продолжил Старик, – то он вполне может спихнуть жертву в нужный ему коридор событий... например, ведущий к смерти. Или, черт возьми – к богатству и славе!

Видимо, последняя мысль ужасно понравилась Старикому: он оживился, вылез из-за стола и принялся расхаживать по комнате.

– Если кто-то может управлять коридорами событий... –

взволнованно проговорил он. – То значит... Значит, я прав!

Старик поймал напряженный взгляд Артемия и рассмеялся:

– Как говорится – лженаука на марше. М-да... Это всего лишь один из множества возможных вариантов. А может, этот тип вовсе не управляет событиями? Может, он появляется как знамение, предвестник судьбы?

– Я думал об этом, – кивнул Артемий. – Так говорите, коридор событий? И куда он ведет, этот коридор?

Старик странно посмотрел на Артемия и нервно дернул плечами.

– Не знаю... Вряд ли к чему хорошему – в твоём случае... Ты сам видел... его?

– Слава богу, нет, – покачал головой Артемий. – И не хочу, если честно.

Он не врал. Главной идеей было выполнить поручение заказчиков, не встречаясь с Переходящим лично. Как это возможно – Артемий представлял себе смутно. Но все еще верил в удачу и собственные способности. И в совет Старика.

– Ну, что тебе посоветовать... – задумчиво сказал Старик. – Есть разные способы, как вырваться из событийной колеи. Проще всего – куда-то уехать. Но это еще не гарантия. Смена работы, брак – тоже влияет...

– Нет, нет! – сказал Артемий. – Я как раз хотел бы остаться в этом самом коридоре. Если он в конце-концов выведет меня на цель...

– А вот это не факт, – возразил Старик. – Может быть, этот коридор как раз уводит тебя в противоположную сторону... Впрочем, о чем я? Я же сам ничего толком не знаю. Так, голые теории...

Старик вдруг как-то по-новому посмотрел на Артемия, помолчал, словно сомневаясь, стоит ли говорить дальше.

– Хотя... – протянул он. – А вот почему бы не проверить на тебе?..

– Что проверить? – глупо усмехнулся Артемий. – Выживу ли я в этом нагромождении странностей?

– Проверить кое-какие идейки, – пояснил Старик, направляясь к огромному книжному стеллажу, занимавшему целую стену. Где же эта тетрадка? Ага, вот она... Ну, что, студент. Ты готов конспектировать?

– Это я всегда готов, – задумчиво сказал Артемий, подвигая к себе папку. – Главное, чтобы потом не завалили на экзамене...

С мощным щелчком включился свет. Человек, на стуле по ту сторону стола вздрогнул и сжался, как в ожидании удара. Павел чуть улыбнулся.

В свете лампы, направленной в лицо, люди теряют значительную часть привычного лоска. Чудное изобретение давно уже забытых дознавателей. А если немного усовершенствовать процесс и направить в глаза ослепляющий свет юпитеров со съемочной площадки? По ту сторону света съемочная группа будет курить, лениво обсуждая технические подробности. Перед ними – всего лишь объект. И не актер даже, а так – часть наспех слепленных декораций.

Вряд ли это добавит жертве разговорчивости, но остатки спеси собьет окончательно.

– Что вам от меня нужно?! – растерянно и в то же время злобно выкрикнул человек. – Кто вы? Вы вообще представляете, с кем связались, уроды?!

Павел усмехнулся, покачал головой:

– Когда же ты угомонишься, Каминский?

– Кто это?! – крикнул человек. – Мы знакомы?

– Когда ты перестанешь считать себя более значимым, чем есть на самом деле? – не обращая внимания на выкрик, сказал Павел. – Сидишь по шею в дерьме, а все еще пытаешься тыкать мне в лицо своим статусом...

– Еще посмотрим, чем в тебя ткнут, гаденыш, – уже менее уверенно проговорил человек, слепо пытаясь разглядеть – кто говорит из-за ослепительных дисков прожекторов. – Мои парни тебя на куски порежут, гнида...

– Ты всегда меня удивлял своей животной тупостью, Каминский, – сказал Павел. – Наверно, если бы людоеды жарили тебя на костре, ты бы им тоже угрожал своими «братками», да?

Инерция. Всего лишь инерция непомерной человеческой гордыни. Как легко возомнить себя абсолютно безнаказанным, недосыгаемым. Таким, что даже представить невозможно положение, когда тебя просто прикуют к стулу наручниками и двинут по морде – для большей сговорчивости.

Каминский подался чуть вперед – насколько позволяли наручники, удерживающие его руки у сиденья между колен, прищурился.

– Е-мое... – потрясенно проговорил он. – Павел Сергеевич? Паша, это ты?!

– «Паша», – хмыкнул Павел. – С каких это пор я для тебя Паша?

– Простите, Павел Сергеевич, я ничего не понимаю... – севшим голосом пробормотал Каминский.

– Все ты прекрасно понимаешь, – устало сказал Павел. – Давай, я не буду тебе подсказывать. Скажи сам: почему ты здесь?

Каминский тяжело задышал, оглядываясь, и заорал:

– Я ничего не понимаю! Правда, я не въезжаю, что происходит?! Где я?!

– Так... – бесцветно произнес Павел. – Рустам, помоги этому господину вспомнить.

Из-за спины Павла бесшумно вышел Рустам, приблизился к Каминскому. Тот инстинктивно подался назад и часто-часто заморгал, глядя на нависшего над ним гиганта. Рустам выдержал паузу – и нанес серию коротких ударов – ладонь-щека, кулак-плечо, ботинок-голень. Каминский удивленно ахнул – и чуть запоздало заорал от боли. Рустам отошел на шаг и замер.

Когда вопли и причитания утихли, Павел повторил вопрос:

– Почему ты здесь, Каминский?

В ответ лишь бессвязная ругань.

– Рустам, ты что-то не доделал, – покачал головой Павел.

На этот раз крики продолжались дольше. Павел с интересом наблюдал за происходящим. Он не испытывал удовольствия от мук этого подлеца. Только сухой интерес исследователя.

Это неправильно. Стоило научиться получать удовольствие и от этого. Не так много радостей осталось в жизни...

– Стой! – захлебываясь в хрипе проорал Каминский. – Я скажу! Скажу! Не бейте....

– Рустам! – быстро сказал Павел.

Рустам отпрянул назад: было видно – он только начал вхо-

дить во вкус, и ему стоило усилий прекратить «обработку». Кулаки покраснели, ноздри раздулись, дыхание участилось.

– Ну! – произнес Павел.

– Пойми... – отрывисто проговорил Каминский. – Это же были девяностые! Тогда все так делали!

Пауза. Павел выжидательно молчал.

– Все так делали, все! – крикнул Каминский. – А что осталось, если ты весь бизнес под себя подгрел?! И не я один решал – все пацаны были «за»!

Павел молчал.

– Да, это мы тогда тебя заказали! – выдохнул Каминский. – Да! Но ведь ты живой, живой!!!

– Живой... – проговорил Павел. – Тогда вы убили моего водителя, телохранителя. И Лену...

– Мы не знали...

– Говори за себя.

– Я не хотел! Ты должен был ехать один. Ведь ты живой! Все давным-давно прошло и забылось! Ведь ты теперь в шоколаде, гад! То были девяностые, вспомни...

– Я все помню... Девяностые... Все делают скидку на эти девяностые. Будто тогда, на десять лет все разом превратились в вампиров...

– А ты себя вспомни. Каким ты сам был тогда?

– Девяностые... Да, тогда было легко купить такую маленькую радиоактивную болванку. Верно? Ученым жрать нечего – они уран за еду продавали... И сколько же ты отдал

за нее? Так, ради интереса.

Каминский молчал. Даже в ярком свете прожекторов было видно, как он побледнел.

– Что же ты замолчал? – спросил Павел.

– Ты не мог знать про это... – совсем тихо сказал Каминский. – Не мог...

– Но... я тебя поздравляю! – оскалился Павел и вышел вперед, за ослепительную границу света.

Каминский уставился на него дикими глазами.

Павел подошел к Каминскому и опустился на корточки, сжавшись от внезапного приступа боли. Рустам дернулся было в его сторону, но Павел жестом остановил его. Он поднял изможденный взгляд на Каминского и поймал его полные страха глаза.

– Ты все-таки убил меня. Поздравляю. Bravo! – сказал Павел.

И тяжело поднялся.

– Стоп съемка, – сказал он.

– Стоп камера! – прокричал невидимый отсюда режиссер площадки.

Павел повернулся к Каминскому спиной и пошел к выходу. В глазах прикованного к стулу человека мелькнула надежда.

– Так это подстроено! – проговорил он, пытаясь улыбнуться. – Розыгрыш, да? Это кино?

– Кино, – сказал Павел, не оборачиваясь. – Только ника-

ких розыгрышей. Одна лишь гнилая правда жизни.

Павел отсматривал снятый материал, любуясь каждым словом, каждым жестом палача и жертвы. Вот это кадры! Это вам не «дубль первый, дубль второй»! В жизни не бывает никаких дублей. Здесь – настоящая жизнь, какой бы мерзкой она не была.

– Развлекаешься? – раздалось в тишине комнаты.

Павел внутренне сжался. Он никак не ожидал услышать этот голос снова.

– Что... Что ты тут делаешь? – быстро спросил Павел.

– Этот же вопрос я хотел задать и тебе, – сказал Переходящий дорогу. – Только не пытайся звать охрану. Я уйду, и у тебя больше не будет возможности поговорить со мной.

– С чего ты взял, что я хочу с тобой разговаривать? – мрачно поинтересовался Павел.

– Мне так показалось, – пожал плечами Переходящий дорогу. – Скажи, для чего весь этот балаган?

Павел молчал, с ненавистью глядя на незваного гостя. Тот небрежно крутил на указательном пальце нелепую шляпу. Надо же – теперь еще и шляпа...

– Что ты хочешь доказать? – продолжал Переходящий. – Можно, угадаю? Ты решил посоревноваться со мной в умении управлять судьбами?

Переходящий дорогу с любопытством разглядывал Павла, словно видел его впервые. Павел скрипнул зубами, но сдер-

жался и промолчал.

– Что же, красивый ход, – неожиданно признал гость. – Я, правда, не пойму до конца твоего замысла, но идея хороша... Что тебя больше прельщает во все этом: сама игра или последующий анализ? Ведь ты снимаешь кино про самого себя? Я угадал? Тебе нравится смотреть на себя со стороны? А... Кажется я понял...

– Что ты понял? – нервно спросил Павел.

– Нет-нет, – покачал головой Переходящий и аккуратно надел шляпу. – Это только догадки. Что ж, не буду мешать. Я еще зайду...

Павел никак не мог понять: был ли в действительности этот ночной визит, или же это только болезненный сон. Впрочем, других снов теперь и не было. Болезнь медленно пожирала его.

Надо торопиться.

Приступы острой неуверенности осложняли дело. Павел целый час просидел в холодной «комнате правды», не зная, что делать дальше.

Нет, не так. План был. Четкий и ясный план, такой, как и те, что вели к вершинам богатства и силы. Но который теперь ведет прямо в могилу.

Почему-то Павел не сомневался, что все, что происходит – расплата за полученные от жизни дары.

Нет, не так – вырванные у жизни силой. Украденные. Ото-

бранные у других.

Как сказал это Каминский? «Это были девяностые». Бред. Так было испокон веков: кому-то всегда не терпится схватить то, что не принадлежит ему по праву.

Та, давняя мечта мальчишки, который смотрит жадными глазами через стекло витрины магазина игрушек, понимая, что ему НИКОГДА, НИКОГДА не получить того, что он хочет.

Страшное слово «никогда». Как приговор. Как смерть.

Только не все мальчишки смиряются с этим приговором. Некоторым кажется, что нелепые ошибки судьбы можно исправить – подчистить, замазать. Обмануть.

Наивная надежда. Будто судьба может ошибаться...

– Зигфрид! – крикнул Павел.

Зигфрид появился немедленно: он дожидался за дверью.

– Приведи сюда девчонку, – сбивчиво сказал Павел. – Ну, ты понял...

Зигфрид задержал взгляд на Павле и коротко кивнул.

«Надо что-то с ним делать, – глядя на охранника, подумал Павел. – Настроение у него какое-то не то»...

...Настя снова сидела перед ним на стуле – еще более осунувшаяся, с диким взглядом. И Павел снова не знал, с чего начать.

Еще одна нелепица: он, вообразивший себя вершителем человеческих судеб, робеет перед девчонкой. Бред какой-то.

Будто не было в его жизни бесконечной череды топ-моделей и ярких девиц с обложек «Максима».

Вот, очередной глупый стереотип – будто женщина, попав на обложку «глянца», становится чем-то лучше всех остальных. Обман. Банальнейший «развод» для богатых лохов. Поняв это, некоторые одураченные толстосумы бросаются во все тяжкие, черпая самую жуткую грязь со дна жизни. Если, конечно, хватает смелости признаться себе, что их обманули...

А Настя – вот она, настоящая, живая – и настолько далекая, что целые шеренги роскошных баб с обложек на ее фоне становятся просто кучей дорогих шлюх. Да и не таких уж и дорогих, если учитывать финансовые возможности.

Павел нервно откашлялся.

– Слушай... Я хочу, чтобы ты знала... Я не причиню тебе вреда...

– Вы это уже говорили, – тихо отозвалась Настя. – Отпустите нас домой.

– Не могу, – так же тихо сказал Павел. – Но я обещаю – ни с кем из массовки ничего не случится плохого ...

– Отпустите нас... – повторила Настя.

– Так надо... – непривычным для себя, умоляющим тоном произнес Павел. – Так надо, поверь...

Настя посмотрела на Павла долгим непонимающим взглядом, и вдруг закричала – высоко и страшно:

– Отпустите-отпустите-отпустите!!!

Это была самая настоящая истерика. Ворвавшиеся на крик Рустам и Зигфрид поначалу недоуменно топтались вокруг размахивающей кулачками и мотающей головой Настей, прежде, чем схватить ее и утащить прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.